

Мича Милованович

Молитва
ЗА ОТЦА
ПРОХОРА

Мича Милованович
Молитва за отца Прохора

«Индрик»

2007

УДК 821.163.4-94

Милованович М.

Молитва за отца Прохора / М. Милованович — «Индрик»,
2007

ISBN 978-5-91674-388-3

Это исповедь умирающего священника – отца Прохора, жизнь которого наполнена трагическими событиями. Искренне веря в Бога, он помогал людям, строил церковь, вместе с сербскими крестьянами делил радости и беды трудного XX века. Главными испытаниями его жизни стали страдания в концлагерях во время Первой и Второй мировых войн, в тюрьме в послевоенной Югославии. Хотя книга отображает трудную жизнь сербского народа на протяжении ста лет вплоть до сегодняшнего дня, она наполнена оптимизмом, верой в добро и в силу духа Человека.

УДК 821.163.4-94

ISBN 978-5-91674-388-3

© Милованович М., 2007
© Индрик, 2007

Содержание

Пролог. Доктор Крлянац	6
Сказания отца Прохора	8
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мича Милованович

Молитва за отца Прохора

© Мича Милованович, Текст, 2007

© Издательство «Индрик», 2016

* * *

Пролог. Доктор Крлянац

*В августе 1992 г., когда я занимал должность заведующего терапевтическим отделением больницы г. Чачак, в отдел гастроэнтерологии поступил пожилой человек с заболеванием печени. После того как мы провели все необходимые анализы крови, мочи и стула, а также ультразвуковое исследование и рентген, был поставлен диагноз, который гласил: *cirrosis hepatitis*. Заболевание действует деструктивно на ткани печени и нарушает функции других органов. Мы предприняли все, чтобы облегчить, хотя бы в какой-то мере, его страдания, что нам в некоторой степени удалось.*

Через несколько дней ко мне подошел один из санитаров и сказал:

– Доктор, я хотел бы обратить ваше внимание на этого старого монаха.

– Разве он монах? – Спросил я его. – А почему ты хочешь обратить на него мое внимание? Мы и так делаем для него все возможное.

– Яне имел в виду медицинские назначения, в ваши дела я не могу вмешиваться. Я имел в виду совсем другое – необыкновенную жизнь этого человека.

– Пациентов с «необыкновенной жизнью» я в своей практике встречал неоднократно. Не знаю, что еще я могу сделать для старика.

– Было бы правильно, если бы вы немного поговорили с ним, – сказал санитар.

– Ну, для таких вещей у меня нет времени. Дел выше головы, тем более что из-за санкций у нас даже основных лекарств не хватает, куда мне еще слушать старческую болтовню, – сказал я решительно, чтобы отделаться, наконец, от назойливого санитаря.

– Как хотите, доктор, но думаю, что вы совершаете ошибку, – сказал он и ушел.

Следующие дни я посвящал старику ровно столько внимания, сколько любому другому больному в таком же состоянии. Санитар со своими советами больше ко мне не подходил. На том бы, вероятно, все и закончилось, но неожиданно ко мне обратился доктор Дабович из глазного отделения и сказал:

– Как там отец Прохор? Ему хоть немного лучше?

– Ты говоришь об этом монахе?

– Да, именно о нем. Я его осматривал несколько раз по поводу катаракты, если состояние не улучшится, придется его оперировать.

– Так ты знаком со стариком? – спросил я коллегу Дабовича.

– В некотором роде. Но и то немного, что мне о нем известно, просто невероятно.

– Так ты с ним разговаривал?

– Немного, у меня он был недолго. Больше я узнал от других. Я к тебе, собственно, из-за этого и пришел.

– Слушаю, – я говорил нетерпеливо из-за дел, которые меня ожидали.

– Поскольку у тебя в отделении он задержится подольше, ты мог бы воспользоваться моментом и записать его рассказы, если он захочет говорить.

Так все и началось. Я послушался совета коллеги и, благодаря содействию санитаря, дальнего родственника старика, я начал записывать рассказы о его незаурядной жизни. Кассетфон ежедневно стоял на столике у кровати отца Прохора.

Однако вскоре мне стало ясно, что шестиместная палата, где присутствуют другие больные, – неподходящее место для нашего разговора (вернее, его монолога, поскольку я в основном выступал в роли слушателя). Я приказал переместить необычного пациента в двухместную палату, в которой второе место оставалось незанятым. Его история с первых же дней настолько захватила меня, что я не мог дождаться продолжения. Я даже, оправдываясь перед семьей неотложными делами, посещал его в выходные, а бывало, и задерживался после окончания рабочего времени.

Однажды в самом начале нашей беседы в палату вошла женщина средних лет со шрамами на лице, в очках с затемненными стеклами. В руках она держала апельсины и пачку печенья. Подошла к отцу Прохору и поцеловала ему руку. Я тут же выключил запись и вышел. Уверен, я бы сразу выкинул ее из памяти, если бы на следующий день старик не сказал: «Когда-нибудь я расскажу вам о судьбе этой женщины». Но сделал он это только под конец своей исповеди, спустя почти два месяца.

Все, что зафиксировала магнитофонная лента, вы можете прочесть на страницах, которые следуют далее.

Сказания отца Прохора

Доктор, с тяжелым сердцем я согласился рассказывать вам о себе. Боюсь, нет у меня на это ни времени, ни сил. Делаю это лишь из уважения к вам и к доктору Дабовичу, которому я благодарен за все, что он для меня делает, так что в его просьбе я не мог отказать. Я ваш должник до самой смерти.

Всякий человек свою земную жизнь проживает так, как ему определил Господь, так же и со мной. На свет я появился в день святого архангела Гавриила 13-го июля (по новому календарю 26-го) лета Господня 1897. Значит, в нынешний 1992 исполнилось девяносто пять лет моему грешному скитанию по этому свету. Родился я четвертым ребенком от отца Никодия и матери Даринки. Всего мои родители произвели на свет десятерых детей, из которых двое предстали перед Богом прежде, чем смогли осознать этот мир. Рождались в следующем порядке: Теован лета Господнего 1887, Рисим 1889, Евдокия 1893, я, грешный Йован, 1897, Йоксим 1889, Живадин 1901, Томания 1903 и Агатия 1906. Те двое, что рано умерли, родились где-то в промежутке между нами. Следовательно, у наших родителей было пятеро сыновей и три дочери. В те времена женщины рожали много детей, ведь это был единственный способ уберечь сербский народ от исчезновения во время многочисленных войн и болезней.

Наш отец Никодие в 1914 ушел на войну по третьему призыву, швабы взяли его в плен и отправили в лагерь Ашах, прославившийся особенно жестоким режимом, где он и умер. Брат Теован погиб во время войны с болгарами в 1913 в Райчанских болотах у реки Брегалница, Рисим в 1914 погиб на Мачков-Камену, а Живадина болгары убили в нашем селе в 1943. Сестры Евдокия, То мания и Агатия повыходили замуж в ближайшие села. Потом Томания скончалась вслед за погибшим сыном, а из всех братьев старость встретили только Йоксим и я.

Возблагодарим Господа, и когда дает, и когда отнимает, и когда ласкает, и когда бьет. За все, что исходит от Него, мы благодарны Ему. Теован оставил после себя двух сыновей и дочь. Рисим погиб неженатым, и все, что осталось от него, – одно лишь имя на мраморной плите на портале нашей церкви, недолговечная запись на колышущихся листках времени. Потому что все человеческое ничтожно и преходяще, век одного человека пролетает, как облако через небеса. Я в жизни не имел потомства. У Йоксима было три сына, а у Живадина – три дочери.

Еще ребенком я устремился Христовым путем истины. На одном участке нашей земли, на так называемой Волчьей Поляне¹, с незапамятных времен сохранились развалины церкви в зарослях бурьяна и колючек. О ней нет никаких сведений, неизвестно ни когда возведена, ни когда разрушена. Было это небольшое строение, семь на пять метров. Об этой церкви в народе ходят легенды.

И сколько помню себя, мою детскую душу на том месте освещало некое чудесное сияние, какое-то божественное озарение. Там, на солнцепеке, я пас коз и часто оставался в одиночестве и задумчивости. Иногда меня охватывало сильнейшее желание заночевать хоть раз на этом месте, но из-за страха темноты с тяжелым сердцем я отказался от этого замысла. Больше всего терзало меня желание узнать все о пострадавшем храме, и вот однажды мой дед Аксентий поведал мне народное предание, которое гласило:

Деспот² Стефан Лазаревич, правитель земли сербской, сын великомученика князя Лазаря, часто отправлялся на охоту. И вот однажды он со своей свитой оказался в наших

¹ Вучја Пољана.

² Деспот – титул средневекового монарха в Сербии.

лесистых и дичью богатых краях. Во время охоты прямо на него выскочила лань. Но как только он прицелился, лань заговорила и умоляла не убивать ее. Не обращая внимания на ее мольбы, деспот натянул лук и ранил ее стрелой. Когда же он подошел к ней, она, окровавленная, вскочила и превратилась в девушку в черной одежде и произнесла: «Ты горько пожалеешь об этом!» Сказала и исчезла в чащобе.

Оправившись от удивления, правитель приказал свите скакать за девушкой и разыскать ее. Те разлетелись по сторонам, но не смогли принести господину добрых вестей. Его это еще больше напугало, и он решил оставаться на месте, пока не найдется раненая лань. Дни шли за днями, а о раненой лани ни слуху, ни духу. Тогда он приказал пустить на поиски соколов и гончих собак. И вскоре один из соколов принес в клюве золотой крестик, залитый кровью, и бросил его деспоту на колени. Это так потрясло правителя, что он больше не пускал никого к себе в шатер, а по ночам сон покинул его.

Одной бессонной ночью, тоскуя, он вышел из шатра и окаменел от увиденного: все его стражники были мертвы! При его появлении соколы заклекотали, лошади заржали, а гончие залаяли. В тот же миг из темноты вынырнула змея и ужалила в ногу его коня, отчего тот сразу умер. В отчаянии деспот пошел на поиски хоть кого-нибудь живого. И вдруг пред ним появилась женщина в черном с нимбом над головой и сказала ему: «Меня ты можешь не бояться, но бойся Господа, ты совершил страшное деяние – ранил воспитанницу Огненной Марии! Божий суд тебя покарает, если к исходу третьего дня, на закате, на этом месте церковь не построишь и в своем грехе не покаешься. Если не выполнишь это, тебя и твой народ ждет страшное наказание: ты потомства иметь не будешь, однажды на охоте пред Господом предстанешь, а народ твой столетиями будет в рабстве томиться. Пусть тебе мой крестик служит напоминанием, а как церковь построишь, схорони его под святым алтарем». И женщина исчезла.

Услышав это, деспот тут же приказал послать глашатаев во все концы на поиски мастеров, чтобы на этом месте церковь построить. Вскоре многие съехались, и началось строительство. Одни лес секут, другие камень волокут, третьи строят, четвертые святые лики пишут. А властитель мастерам чего только не обещал, лишь бы с храмом не опоздать. Работа шла быстро. И когда на третий день солнце за леса опустилось, церковь была готова, небольшая, но красивая. Но крест на нее еще не поставили. И пока его ставили, ночь сошла и на лес, и на церковь. Опоздали. Божий суд во всем исполнился: деспот Стефан никогда потомства не имел, однажды на охоте дух испустил, а народ сербский на века в рабство попал. Потом чужестранные нехристи церковь спалили.

Слушал я тогда деда, и во мне возникло страстное желание то богомолье когда-нибудь восстановить, не знаю ни когда, ни как. Через пятнадцать лет, когда мечта моя осуществилась, я даже не ожидал, какая награда меня ожидает: милость Божья, что через жизнь меня проведет, и благосклонность девушки в образе лани, подопечной великой святой.

Вы поймете, доктор, когда до конца, если Бог даст, дослушаете, как все это мою судьбу определило. Ведь и мне когда-то, еще в семилетнем возрасте, во сне явилась Огненная Мария, которой тот храм был посвящен. И указала она мне, где именно я смогу отыскать крестик, залитый кровью, что бросил сокол на колени деспоту. Еще мне сказала, чтобы об этом никому не рассказывал, а тот крестик всегда с собой носил, потому что он меня от всякого зла убережет.

Уже на следующее утро, сторожа стадо, я занялся поисками крестика, как мне святая велела – на месте, где когда-то был святой алтарь, в маленьком серебряном потире, завернутом в зеленое сукно, сокрытом наслоениями земли и камней. Рядом со мной в то утро никого не было, и я своими слабыми руками начал разгребать то, что веками копилось. Долго я так копал, но ни следа потира не нашел. Вдруг из развалин выползла пестрая змея, я испугался и убежал. И до того мне было жаль, что не нашел я крестика!

На следующую ночь святая вновь ко мне во сне явилась и говорит: «Ты искал в неправильном месте, алтарь был в другом конце храма. А змеи не бойся, она вечный сторож разоренного храма, будут к тебе благосклонны и змея, и лань. Завтра иди за змеей, она отведет на верное место».

До конца ночи я от волнения глаз не сомкнул. Встал пораньше скотину на пастбище выгнать, а мать увидела меня и говорит: «Куда это ты, сынок, ни свет ни заря? Не рано ли стадо пасти?» А я ей на это: «Матушка, хочу, чтобы стадо пораньше напаслось, пока жара не печет». А сам на Волчьей Поляне на развалинах сразу же взялся за работу. Копаю, а змеи-то нет, чтобы отвела меня к кресту. Сел я, грустный, на камень, не зная, что же мне дальше делать. И тут из бурьяна появилась змея. Она подняла голову и поползла, а я за ней, полон страха. Когда добрались до восточной части храма, змея свернулась клубком, положила голову себе на хвост, глядя прямо на меня. Я понял, что она показывает мне, где надо копать.

Потом змея медленно поползла и исчезла в чаще. А я, взволнованный, начал копать изо всех своих слабых сил, и вскоре мои пальцы нащупали небольшой толстобокий сосуд. Я вытащил его и в сосуде обнаружил крестик, завернутый в зеленое сукно! Возликовала душа моя, заиграло сердце! Слово некое небесное озарение захлестнуло все мое существо.

Дорогой доктор, посмотрите на мою ладонь, в ней божественный символ – тот крестик, который я откопал в далеком 1904-м году на руинах храма в моем родном краю. Тогда, семилетним ребенком, я не мог предвидеть, что это Знамение Христово через всю мою долгую, полную страданий жизнь будет сопровождать меня верой и правдой вплоть до сегодняшнего дня.

Возьмите его в свою руку, дорогой мой доктор! Прикасаясь к нему, вы прикасаетесь к неуничтожимой нити божественной истины длиной в две тысячи лет. Тем далеким утром на руинах храма я трижды перекрестился и трижды поцеловал этот крест, а потом трижды обежал вокруг стен.

А сейчас, пока меня не скрутила боль, хочу рассказать вам вот что. На третью ночь вновь во сне посетила меня святая и сказала: «Крест береги, никогда с ним не разлучайся. На святом месте тебе иногда покажется лань, моя раненая подопечная, или змея, вечная хранительница моего храма. Их сможешь видеть только ты, для других еще время не настало».

Доктор, насколько я знаю, те Божьи творенья никто из людей так и не видел, не знаю, когда придет нужное время. А в ту ночь Огненная Мария сказала еще: «Когда настанет час с братьями делить отцовское наследство, проси для себя только тот кусок земли, где храм разрушенный, а им остальное отдай. И постарайся из руин поднять заново церковь, давным-давно нехристиами разрушенную. Это будет богоугодное дело, и Господь тебя за то великодушно наградит».

В тот же день, вернувшись с пастбища, я предстал перед отцом и произнес:

– Отец, когда я вырасту и когда ты будешь между нами, твоими сыновьями, добро делить, мне отдай только участок на Волчьей Поляне.

– Что ты говоришь, сынок? – воскликнул отец. – Неужели из всего, что мы имеем, ты возьмешь лишь солнцепек, на котором только змеи и ящерицы плодятся, где скотинке и пощипать-то нечего?

– Отец, прошу тебя исполнить эту просьбу, – повторил я, упорствуя в своем намерении.

Тогда, обеспокоенная, подскочила ко мне матушка и говорит:

– Йово, цыпленок мамочкин, на что же ты жить-то будешь, семью свою кормить?

– Да как-нибудь выкручусь, – отвечаю.

– Рано сейчас об этом говорить, – сказал отец. – Ты еще мал, а вырастешь и передумаешь.

Так и закончился тот давний разговор. Сразу после него в лесу неподалеку от развалин я видел лань, утоляющую жажду у источника. Посмотрела она на меня и, прихрамывая, удалилась в лес. Подобных животных никто в наших краях никогда не видел. А уже следующей ночью мне приснилась девушка в черном. И говорит мне она: «Я – та самая лань, которую когда-то на охоте ранил всемогущий властитель. Я воспитанница святой Огненной Марии. Молю тебя, когда вырастешь, восстанови храм, чтобы душа моя, наконец, успокоилась».

Эта девушка и позже мне являлась, но только во сне, а лань раненую я видел и наяву. Обе они появлялись накануне судьбоносных моментов в моей жизни и в переломные моменты сербской истории. Огромная змея предо мной возникала, когда я возвращался из дальних мучительных странствий. Огонь при пожаре трижды горевшего храма не смог причинить ей вреда.

А свое решение о наследстве я так никогда и не изменил. Для меня этот участок скудной, окруженной лесом земли навсегда останется вписан в богослужебные книги моего существования, в мои молитвы Господу и веру в его истину. Но об этом мне еще предстоит рассказать.

В школу я пошел в 1904 году, когда королем провозгласили Петра Карагеоргиевича, внука Черного Георгия. Как только я немного подрос, стал ходить на службу в нашу приходскую церковь и в монастыри в ущелье Овчара и Каблара. Со временем я стал певчим, а потом чтецом в храме Святой Троицы. Монастырская братия и старейшины хорошо меня приняли.

Вопреки сопротивлению родителей, я ушел из дома и посвятил себя служению церкви, и в этом быстро продвигался. Несмотря на молодость, я приобрел авторитет среди священников, так как был скромен и послушен. При этом успевал и родителям помогать в их тяжелом крестьянском труде – и в поле, и со скотом, и на лугах, и в виноградниках.

Затем я вознамерился поступить в духовную семинарию в Призрене, в прошлом то был царский город. Родители с пониманием отнеслись к этому и дали мне разрешение. Но разразилась большая война, и в 1915-м меня, восемнадцатилетнего, отправили защищать Отечество. Для сербского народа это была третья война подряд. В тот год на Сербию набросились три врага, рубя мечом и сжигая огнем. На нас напали швабы, немцы и болгары. Кровь и пепел – вот знамение того страшного времени. На наш народ обрушилась огромная боль, горечь разрушенных надежд. Перед этим в 1913 г. погиб мой брат Теован в бою с болгарями, а в 1914-м – Рисим в бою со швабами.

Мой полк швабы взяли в плен у Призрена. Это случилось глубокой осенью, перед наступлением зимы. Нелюди, нищие духом, гнали нас длинными колоннами. Мы шли в разодранной одежде, голодные и промерзшие. Сердца сжимались, изболевшись от злобы бездушных врагов. Наши прежние песни – свадебные, пастушьи, песни жнецов – слились в многоголосье стонов и плача. Вражеский сапог растоптал все, что для сербов было свято. Господу судьбу свою вверяем и на него надеемся. Милость и истина на лице Его светлом. И я в колонне тихонько читаю молитву Всевышнему: «Господи, сподоби нас убоиться. Тех, кто любит Тебя всем сердцем своим. Услышь молитвы наши, Господи. Не оставь нас, не покидай нас, приди нам на помощь».

Когда я босоногий, замерзающий, месил грязь, свой крест, дар великомученицы Марии Огненной, носил на груди, на завязке вокруг шеи. Иногда запускал я руку под драную военную гимнастерку и стылými пальцами прикасался к нему, ощущая, как из него исходит небывалая сила, укрепляющая мою Душу. Черные тени смерти склонились над нашими головами. Я видел, как мои товарищи по несчастью едва тащатся, обессиленные. Я смотрел на Неделько Дунича из Негришори, села под горой Овчар, известного скотовода, как он еле передвигает ноги, на Петра Джуракича из Зеоке, хорошего садовника, что занимался прививкой растений, Живоина Елушича из Граба, кузнеца, который подковывал коней и волов, Атанасия Милекича из Доня-Краварица, что с тремя братьями ушел на войну, Марисава

Оцоколича из Лисы, бондаря, который делал бочки и кадушки, каких больше не было во всем Драгачеве, Радосава Ячимовича из Тияня, плотника, построившего много домов в наших краях, Николу Ковановича из Рогачи, весельчака и лучшего танцора коло, Живадина Скелича из Рти, что играл на волынке на свадьбах и ярмарках. Смотрел я на них, похожих на привидения, в недавнем прошлом гордых, порядочных и уважаемых людей, ныне превратившихся в ничтожных рабов. И спрашивал себя, в чем же наш грех? Не в том же, что мы взяли за оружие, чтобы защитить отчий дом? Что дерзнули противостоять тем, кто сильнее нас? Оставили нивы и виноградники, жен и детей, семейные иконы и устремились на путь страданий и отчаяния.

Воздыхания наши были пищей нашей. Не было у нас ни покоя, ни отдыха, ни хлеба, ни утешения. Я наблюдал, как метель и мгла проглатывают долгую колонну пленных, которой нет ни конца, ни края. Когда мы подошли к Лютоглаве, разразилась такая снежная буря, что мы, изнемогшие, попадали. Сопровождающие нас шипели от злости и били нас прикладами. Своими глазами я видел, как избивали молодого Еремия Проковича из Турицы только за то, что не смог подняться. И, полумертвого, швырнули его на телегу к мертвецам.

В мои дырявые солдатские ботинки набилась грязь и чавкала между пальцами, а дрожь пронизывала от головы до пят. Колени наши подгибались, а вокруг слышались крики наших гонителей. Мука наша с земли поднималась, когда милость Божию мы с небес ожидали. Только надежда на Всевышнего нас, несчастных, поддерживала. Я услышал, что некоторые из наших мучителей говорят по-сербски. Кто эти предатели рода нашего, которых мать вскормила сербским молоком? Те ли это, что стали служить иноземцам и своим собратьям причинили великое зло, сжигая их дома, бесчестя наших матерей, жен и сестер? Видят ли они наши муки и не обуревают ли их страх за содеянное? Однажды за все им пред Всевышним держать ответ и по Божьей справедливости получить за грехи свои. Не допусти, Господи, чтобы их помыслы воплотились в дела.

От Призрена до Приштины гнали нас целый день и половину ночи. Под завесой мрака, сквозь метель, лишь только фонари светятся в руках охранников. Скрипят повозки, полные мертвых и полумертвых сербов, а колеса увязают в грязи по ступицу, застревают, так что их кони и волю еле тянут.

В Приштину прибываем в полночь. Нас сгоняют в лагерь, опутанный колючей проволокой, как скотину в загон. Каждому выдают порцию похлебки из репы с редким кусочком картошки, какую даже наши свиньи не стали бы есть. Хлебаем вонючую жидкость, лишь бы согреть хоть немного пустые желудки, а она на холоде уже в руках остывает. Заледеневшими челюстями невозможно жевать. Держат нас под открытым небом, с которого сыплется снег, и мы превращаемся в белые статуи. Жмемся друг к другу, как овцы, чтобы хоть немного согреться, а все равно остаемся ледяными.

Ранко Стеванович из Горачича спрашивает меня, что с нами будет, а я ему отвечаю: будет, что суждено. Мы потеряли уже нескольких друзей, они умерли, и бросили их в овраг, а может в повозку, если там еще было место. Не видно Райко Штавлинина из Толишницы, Янко Драшковича из Мочиоцев и Градимира Тайсича из Пухова, сильные были ребята, но не выдержали этот жуткий путь.

Дух мой еще крепок, а вот силы изменяют. Как там сейчас дома, спрашиваю себя. А вдруг наши дома охвачены огнем? Знаю, что сердце матери моей трепещет, надорванное болью. Мужа и двоих сыновей она уже потеряла. Настало гибельное время, и наши жизни стоят сейчас не дороже собачьих.

Снег перестает, но ледяной ветер пронизывает нас, насквозь промокших, до самых костей. Сон меня одолевает, и я на мгновение засыпаю, прислонившись к капралу Йовану Станковичу и Ранко Стевановичу из Горачичей. Соприкасаясь плечами в виде треугольника, мы похожи на опору для сена на драгачевских пастбищах. Теснота, как в банке с сардинами,

даже при желании невозможно улечься в грязную лужу. С фонарями в руках и ружьями на плечах вдоль проволоки прохаживаются охранники. Я понимаю, что и им нелегко, им тоже хочется спать. Но им хотя бы не холодно, они сыты, одеты в теплые мундиры и шинели. Каждый час сменяют друг друга. И все же именно они упали в грязь бесчеловечности, а мы остались стоять. Нам есть на кого опереться, а им?

Я не сплю и стою прямой, как кол, не шевелюсь, чтобы не упали Ранко и Йован. Со вздохом открываю рот, словно молю о весеннем дожде. Подышаем мы в Приштине, где когда-то после боя лютого лежало обезглавленное тело великомученика князя Лазаря. И слышу я клич тех святых ратников, что храбро погибали в страшной битве с дикими турецкими племенами. Я слышу звон их мечей и ржание коней. И боевые возгласы. Околеваем мы на этом святом месте, где случилось обретение головы князя Лазаря, погибшего за спасение Отечества. И сквозь тьму вижу сияние пресвятой его головы, что подобно звезде светит через столетия.

На заре открывают ворота и прикладами нас выгоняют. Куда? Что будет с этими честными простыми людьми, в большинстве крестьянами, что до вчерашнего дня мирно пахали свои поля, пасли свой стада, справляли семейные праздники? Об этом расскажут дни, которым еще предстоит наступить, с нами или без нас. Сможем ли мы из своих могил, разбросанных по всей земле, поведать истину?

Трогаемся. Кто-то обернул ноги тряпками, кто-то идет в носках, а кто-то – босиком. Я бос. Мои ботинки вчера отобрали, видно, решили, что они достаточно хороши для их солдат. Что это за государство, если своих бойцов не может обеспечить обувкой, отбирает у пленных? Ноги мои окоченели, бьет дрожь. Сколько я смогу выдержать? Многие больны тифом и едва тащатся. Офицеры их быстро выхватывают из колонны, они навсегда исчезают с наших глаз. Не знаю, что происходит с ними дальше, вероятно, их оставляют на обочине подыхать, подобно больным животным. В повозки определяют только тех, кто не подхватил страшную болезнь. Их доктор проверяет нам глаза, язык и губы, не посинели ли. Я вижу, как уводят Странна Плазинича из Губеревцев и Джурдже Сретеновича из Турицы. Больше мы их не увидим.

Рядом со мной шагает капрал Йован Станкович из Горачичей. Жалуется, что у него температура, хотя никаких других признаков тифа не видно. Советую ему молчать об этом, ни с кем не делиться, а то отправят в путь без возврата. Убеждаю его, что это всего лишь простуда.

Справа от дороги видим надгробный памятник Мурату на Газиместане. Могила одного из тиранов, что на нашу землю веками накидывались и множество своих костей оставили на наших полях. Гляжу на славное деяние славного сербского воина Милоша Обилича³, чья рука не дрогнула в судный миг, вечная память роду его.

Идем к Вучитрну вдоль реки Ситницы, когда-то переполненной кровью и сербов, и душманов. Смотрю на наших верховых конвоиров, наглых, немилосердных. Какое зверье плодится в их душах? Где те ямы, норы и берлоги, откуда веками они лезут на нас?

Усталость убивает меня, болят все кости, а ведь я так молод, в расцвете жизни, всего восемнадцать лет! Молча прошу о помощи, воздевая очи к небесам.

Оттуда, с церковной кафедры, смотрит ли на нас Всевышний, свидетель мучений наших? Видит ли он, что происходит с нами? Мне стало стыдно от своих вопросов. Как смею я сомневаться в милости и доброте Господа.

³ Милош Обилич – персонаж сербского фольклора, заколовший турецкого султана Мурата.

Сунув руку за пазуху, прикасаюсь к кресту. И вспоминаю слова, с которыми когда-то во сне обратилась ко мне пресвятая Мария Огненная: «Нигде и никогда с ним не разлучайся»... Они дают мне новые силы и желание выжить.

Пространство наших страданий движется с нами, а межи страха пред нами сдвигаются. Проходим Вучитрн и идем к Митровице, все так же вдоль Ситницы. Тень смерти все больше сгущается над нами, падаем, изнемогшие. Я вижу, как упал Жарко Маринкович из Придворицы, не может идти дальше. Он бос, ноги посинели, скорчился на снегу. Тщетно Марко Вукосавлевич, Йоксим Живкович и я тащим его, чтоб швабы не увидели. Поднимаем его, а он снова падает. Подходит офицер и сильно бьет и его, и нас. Плетка, извиваясь, впивается в наши исхудалые тела. Офицер жестом дает знак двоим конвоирам унести бедолагу, они же, на чистом сербском матерясь, хватают его за ноги и за руки, словно дохлое животное, и, убедившись, что у него не тиф, швыряют на повозку. Из повозки торчат руки, ноги, головы мертвых и полумертвых. Больше мы Жарко никогда не видели. Упокой, Господи, душу его, как и всех других.

По дороге навстречу нам бредут, сбившись в группы, мужчины и женщины, которые последними решились на бегство. Первые дни и недели беженцы текли рекой, частью я сам это видел, а что-то узнал позднее. Перепуганный народ искал спасения от душманов, а находил смерть в албанских ущельях. Заприметив швабов, нас сопровождающих, народ прячется по лесам и зарослям. Нет ли среди них людей из нашего края, спрашиваю себя. А вдруг это мои родные? Слежу за тем, как они разлетаются, словно стая перепелок при появлении кобчика.

Приближался праздник, день святого великомученика Георгия, а стужа все сильнее давила на сербскую землю, снег покрыл холмы и долины. Возле Звечана на высокой округлой верхушке горы виднеются стены старого города, где когда-то давно насильственной смертью погиб король Стефан Дечанский, в церковном календаре святой Мрата. Поворачиваюсь в ту сторону и украдкой крещусь. Это же делают и некоторые рядом со мной.

Входим в ущелье Ибара. Изголодавшись, по дороге выковыриваем зерна из помета, чистим и кладем их в рот, эти зерна остались от коней и волов, которых гнал перед собой бегущий народ. Грызём зернышки по одному и ощущаем запах (не вонь!) наших далеких хлебов и сараев. И чудесное тепло заполняет мне душу. Не видя ничего, белым днем, будто ночью, качаемся, боясь упасть, чтобы не швырнули нас в ров или в повозку с мертвецами. Печальных песен не поем, сердцу роптать не позволяем.

У Ибара сшибает с ног ледяной ветер. Высокие горы смыкаются над нашими головами. Внизу под дорогой рокочет взбесившаяся река, во многих поэмах воспетая. В воде виднеются сломанные крестьянские и военные повозки, пушечные лафеты, мертвые волы и лошади, сундуки для боеприпасов и сундуки для девичьего приданого. Над нами, кружась, каркают стаи огромных птиц с голыми шеями и длинными клювами. Чувствуют смерть в нас и вокруг нас, смерть, которую мы несем на своих плечах, словно свадебные дары драгоценные, с которыми никак не хотим расстаться.

Возле Ибара, доктор, застала нас ночь. А я не сплю, но вижу во сне камень под головой, на котором бы мог прикорнуть. Голодный, вижу во сне корзинку белого хлеба в руке моей матери Даринки и теплую печь, у которой я мог бы согреться. В полночь останавливаемся, чтобы немного отдохнуть, так как и наши погонщики уже не выдерживают. Улеглись на ошметках соломы, которую надергали из огромного стога. Рядом поставлена сильная стража, как будто тени людей могут сбежать. Дали нам по куску сухаря и ломтику мяса. Ровно столько, чтобы не помереть с голоду. Мы закопались в солому, словно свиньи в берлоге.

Капрал Йован лежит рядом со мной, по-прежнему с температурой. Вижу, что страшная болезнь все больше им овладевает, но ничего ему не говорю. Боюсь, что завтра он не

дождется вечера. Рядом со мной и Сретен Котурович из Дони-Дубаца. Протягивает мне мерзлое яблоко-дичок, которое где-то нашел. Грызу и ощущаю во рту кислинку и запах наших садов и плетней, у которых растут дикие яблони. Сквозь ночь мерцают фонари, а за ними виднеются фигуры с ружьями на плечах, наши охранники. Большинство мучеников заснуло. И у меня веки смыкаются. В полусне слышу крики ночных птиц, они призрачно отдаются эхом от стен глубокого ущелья. Снег вновь начинает кружить, а мы все глубже зарываемся в солому. Если бы мы могли оставаться здесь и никогда не дойти туда, куда нас гонят! – думаю я.

На рассвете трогаемся. Оглядываюсь и в соломе вижу мертвого Светолика Матовича из Пухова. За руки и за ноги его несут куда-то, может, чтобы бросить в глубокую реку. И правда, туда его и бросают! Но не только его, бросают еще с десятков умерших этой ночью, вижу, как раскачивают Бошко Поледицу из Трешневицы, перед тем как швырнуть его вниз. Капрал Йован еле стоит на ногах, мы его поддерживаем.

Проходим через Полумир, где когда-то Святой Савва над мощами отца своего примирил братьев Стевана и Вукана, когда земные останки Симеона Мироточивого переносил со Святой Горы в Студеницу. Украдкой крестимся, чтоб не заметили охранники.

Через два дня прибываем в Крагуевац. На улицах его ад. Они напоминают скошенное жнивье, везде лежат тифозные больные, вперемешку с мертвецами.

Много людей на крестьянских телегах, полно солдат. Тащимся по улицам и доходим до городской больницы, где застаем настоящую давку. Толпы людей ищут докторов и лекарств. Какие доктора, какие лекарства? Вся Сербия заражена, ни мышь в норе, ни птица на ветке не чувствуют себя в безопасности. Швабы останавливают нашу колонну, наш полк, вернее, то, что от него осталось, а осталось немало. Смерти еще только предстоит иметь с нами дело. Останавливаемся на улице рядом с больницей и видим, как некоторые офицеры заходят в нее. Может, за лекарствами, и среди них есть больные. Некоторые из наших умирают прямо на крагуевацкой мостовой. Капрал Йово умирает у меня на руках. Умирает возле кофейни «Палигорич», я это хорошо запомнил, так как подле нее был настоящий морг под открытым небом. Смерть Йована глубоко потрясла меня, мы были знакомы еще до войны. В последние дни от Призрена до Крагуеваца делили мы общие муки и каждое зерно кукурузы из навоза, каждый корешок растений, которые мы из-под снега выдирали. Он был чудесный человек и храбрый воин, а как капрал был родным отцом для своих солдат. Умирал в страшных мучениях, как и все тифозные. Последние его слова были: «Сообщи моим...» Последний вздох испустил, окруженный солдатами из Драгачева, для которых он был командиром и которые ему (в отличие от других капралов и начальников) были благодарны за человеческое отношение. Поскольку в тот момент рядом с нами не было швабов, я вбежал в кофейню и принес воды, чтобы смочить ему пересохшие губы. А когда он испустил дух, использовал возможность отслужить короткое отпевание. Из-за пазухи вытащил я крест и в сопровождении солдат, которыми он командовал (я помню, что это были Богдан Главонич из Вичи, Сава Виторович из Кривачи, Урош Бежанич из Властелицы и еще кто-то), затянул: «Помолимся за упокой души раба Божьего Йована, да простит его Господь...» И так далее. Кто-то пел вместе со мной, кто-то плакал. Посреди отпевания, когда слова наши звенели на улицах, заполненных мертвецами, налетели швабы и велели нам замолчать.

Затем собрали трупы и приказали нам погрузить их на телеги, которые кружили по улицам. Их увезли, куда – неизвестно. Последнее, что я видел, – как свисает с повозки голова Йована и качается, словно кивая нам на прощанье.

Я должен сократить свой рассказ, доктор. Если продолжу по-прежнему, никогда не дойду до конца. От Крагуеваца мы двинулись по направлению к Тополе. Швабы по дороге приказывали крестьянам из встречаемых сел (женщинам, мужчин не было) запрягать скотину и везти отставших и ослабевших, которых было все больше и больше.

Как только мы прибыли в Опленач, с холма зазвучал колокольный звон из недостроенной королевской церкви, приветствуя сербских пленных. Я обернулся в ту сторону и перекрестился. В Младеновце нас загнали в поезд и повезли в Смедерево. От Призрена до Смедерева мы тащились двенадцать дней и двенадцать ночей. Заключение нас в крепость города деспота Георгия и Проклятой Ерины. Здесь, под открытым небом, на лютном холоде, мы провели много дней и ночей, здесь смерть собрала свою великую жатву.

Был это сборный лагерь для сербских военнопленных, которых мы тут застали множество, счет шел на тысячи. Ноги у меня были обморожены, поэтому вместе со многими другими я был доставлен в пожаревацкую больницу, где мне без наркоза отдирали обмороженное мясо. Через несколько дней нас вернули в Смедерево.

Там мертвым привязывали камень на шею и скидывали в Дунай, а выброшенные на берег трупы клевали птицы.

В эти дни среди нас вдруг появилась какая-то девушка. Никто не знал, откуда она взялась, расспрашивала о своем брате. И ведь нашла его! Звали его Михайло, из села Губеревцы возле крагуевацкой Рачи. Тот парень вскоре сблизился со мной, потом вам объясню причину.

Здесь мы оставались до сербского Нового года, до дня святого Василия Великого.

Затем нас швабы передали болгарам, еще одним нашим мучителям. Нас загрузили на суда и повезли в новое рабство. Но это уже, доктор, следующая история, которую расскажу вам завтра. Сейчас мне необходим отдых, эти рассказы меня утомляют.

* * *

Доктор, прошу вас, включите запись, надо вспомнить, на чем я вчера остановился. Ах да! Болгары на смедеревской пристани погрузили нас на три суденышка и повезли вниз по Дунаю к Черному морю. Судно, на котором плыл я, называлось «Царь Симеон». На открытой палубе, где негде спрятаться от ледяного ветра, с корочкой хлеба в день, мы были обречены на медленное умирание.

И вот чудо, во всей этой сутолоке с нами на корабле оказалась и та девушка, сестра Михайло. Только по прибытии в Кладово, где была остановка, на борт поднялись новые болгарские офицеры и ее заметили. Как увидели женщину среди пленных, взбесились! Велели ей немедленно сойти на берег, но она и слышать не хотела о том, чтобы расстаться с братом. Душераздирающая сцена: сестра, рыдая, судорожно вцепилась в брата. Еле удалось отогнать ее прикладами и высадить на берег. Через два дня и одну ночь плавания мы увидели Черное море.

Было это в ночь Богоявления, 6 января (по старому стилю) 1916 г. Тут разразилась непогода, море словно сошло с ума. Горы морской воды обрушились на нас, нас качало, как ореховые скорлупки. Корабли с живым грузом трещали и кренились. Перед силами небесными многие упали духом. Мокрые до нитки, мы падали под ударами волн и ползали по палубным доскам. Кто-то свалился в море, утонули Тодор Плазинич из Губеревцев и Теодосий Вуич из Брусницы. И все это произошло в ночь, когда Господь является людям, когда раскрываются небеса, чтобы осыпать их милостью своей. А мы воздевали руки к небу и восклицали: «Уповаем на тебя, Господи, в эту святую ночь спаси нас, рабов Твоих...» Ночь была черной, как смола, никто никого не видел. Слышались только удары волн и крики людей. Мучители и мученики падали вместе, немощные перед стихией. И тогда случилось чудо невиданное: в молитве о спасении душ своих объединились палачи и их жертвы! Болгары и сербы, два народа одной веры, такие близкие, но кровью разделенные. В страхе перед концом все мы запели молебствие Пресвятой Богородице:

Пресвятая Богородица! Спаси нас!

Смилуйся над нами и помилуй нас.
Освети наш путь и светом
Своим озари нас...

Главными певчими были я и Михайло из шумадийского села Губеревцы, который в мирное время был дьяконом. Те, что нас до сих пор били смертным боем, сейчас нас приняли как своих братьев и запели с нами на том же богослужебном языке. Отбросили ружья и палки и приняли нас в объятия. Пение наше поднималось к мрачным небесам, а ветер рвал наши голоса. Мы словно оказались в другом измерении. В часы ужаса призывали мы Матерь Божью сквозь немыслимый ветер. Колыхались на водах смерти и глядели ей глаза в глаза. Некоторые в страхе падали ниц и становились на колени, как перед святым распятием. Всем нам грозила одна опасность – стать душами утопленными.

В голове моей, доктор, пронеслась вся моя молодая жизнь. Хотя я сознавал, что смерть, присущая человеку, дана ему от Бога, я вспоминал все свои радости, горести и надежды. Мы продолжали петь, мы двое запевали, а остальные подхватывали, пока проклятые корабли, как жеребцы, становились на дыбы, трещали и стонали. При этом несколько душ сразу отправлялось в мрачные глубины.

Кормчие делали все, чтобы направить корабли в любую ближайшую гавань, но невидимая всемогущая рука возвращала их в пучину. Я пытался страх превратить в равнодушие, но мне это не удавалось, ведь и я всего лишь простой смертный, беспомощный перед силой небесной.

И вновь, доктор, случилось чудо: море начало затихать, а ветер ослабевать. Богородица услышала наши мольбы! Но Михайло и я продолжали петь, остальные нам вторили. Начало дня мы встретили как привидения в человеческом облике. Промокшие, мы дрожали от холода зимней ночи, перерождающейся в день. Все еще не было известно, сколько человек утонуло из числа пленных и конвоиров. Корабли продолжили свой путь, и в предвечерние часы мы вошли в порт Варны. С моря мы увидели большой город, расположенный полукругом вдоль залива.

Мы сходили на берег, не зная, что прибыли к месту новых страданий, где останутся кости многих из нас. Я стараюсь, доктор, не исказить истину, но боюсь, что не смогу передать то, что нам далее пришлось пережить. Тех, кто не мог идти, погрузили на носилки. Лагерь был далеко от города, на равнине вблизи морского берега. Он был окружен колючей проволокой и смотровыми вышками, какие мне еще не раз предстоит встречать в своей дальнейшей жизни. Мы прибыли на место, в котором страдания и смерть станут неприкосновенными хозяевами нашей судьбы, в котором наша жизнь потеряет всякую ценность.

Нас раздели и поставили под душ с холодной водой. Отобрали всю нашу одежду, и в первый раз мне пришлось расстаться со своим крестом. Я попросил Живана Зелевича из Тиеня поддержать его, пока я моюсь. Но он отказался из страха, что болгары его обнаружат. Я просил остальных, но не нашлось достаточно храбрых. Тогда я спрятал его под порогом перед входом в большое помещение с душем, пока никто не видел. Так мне удалось сохранить крестик.

Наши лохмотья нам вернули и распределили нас по ледяным баракам. Выдали по тонкому одеялу и по подстилке для ночевки на дощатом полу. Ночью мы слушаем грохот моря и завывание ветра, дрожа от холода. В бараках сквозняки гуляют со всех сторон, пробирая нас до костей. Душа так устала, что я проваливаюсь в сон. И сразу во сне вижу матушку. И идем мы вдвоем через какое-то пустое поле, я – мальчишка десяти-двенадцати лет, а она еще молодая, тридцати с небольшим. За ухом у нее цветок левкоя выглядывает из-под платка. Я несу в руках могильный деревянный крест. И так мы подходим к какому-то большому водоему, и мама ступает в воду. И идет все дальше и дальше. Я начинаю плакать, а она кричит,

что вернется, как только на могиле брата моего зажжет свечу. Я бросаю крест в воду, он доплывает до нее, а она выходит на другой берег и забивает тот крест в землю. Как только сделала это, она принимает облик святой с нимбом над головой и поднимается к небесам.

Еще как-то раз я увидел во сне свой участок на Волчьей Поляне. Мне приснилось, что на месте развалин я построил небольшую церковь. И в какой-то праздник я веду богослужение, а внутри вместо верующих передо мной стадо овец. Вдруг в церковь врываются вооруженные люди, и начинается бойня, храм заполняет бление гибнущих овец. Меня, скрытого за алтарем, злодеи не замечают, а барану, вожаку стада, отрезают голову и кладут ее на святой алтарь. Отрезанная баранья голова начинает блять, это бление подхватывают остальные овцы. И вдруг в один момент все это превратилось в пение хора священников, а колокольчик на шее у барана зазвонил, как церковный колокол. Злодеи начинают богобоязненно молиться и один за другим мирно выходят наружу.

Вот такой сон, да простит меня Господь, мне приснился в ледяном бараке. Из-за плохого питания и простуды у всех поголовно начался понос. В каждом бараке было всего по две параша, дошло до настоящего столпотворения вокруг них. А кто уселся, тот долго не встает. В результате многие оказались обгаженными. Таких надзиратели стегают кнутами до крови. Как будто мы виноваты, что не хватает отхожих мест.

В каждом бараке десяток помещений с номерами. Я был в шестом номере, а все мы, как змея огня, боялись номера семь, оттуда была прямая дорога к смерти. Каждое утро перед зданием комендатуры происходит перекличка пленных. Все, кто мог стоять, обязан был быть в строю. Перекличка тех, кто не мог стоять, проходила по комнатам и сопровождалась избиением.

От страшного холода снаружи мы все тряслись. Зима 1916 года выдалась жестокой. Комендант лагеря по имени Атанас Ценков был здоровенным детиной с черными курчавыми волосами, всегда хмурый. Все его боялись как огня. Стоит ему появиться со своей свитой, и кровь сразу же стынет в жилах. Во время переклички он всегда держал в руках кнут, сплетенный из телячьей кожи. Прохаживается он так перед строем и вдруг остановится перед каким-нибудь заключенным, и наступает тишина перед бурей. В упор уставится в глаза человеку, это был его ритуал перед началом экзекуции. Затем делает знак своим сопровождающим, кого им вывести из строя, и начинает избивать несчастного, пока тот не упадет, обливаясь кровью. Когда чудовище насытится чужими мучениями, он приказывает отвести арестанта в помещение номер семь. Однажды этим путем исчезли после избиения Сибин Йорович из Живицы, Никифор Вукайлович из Губеревцев и Миленко Еринич из Горачичей. Больше мы их никогда не видели.

Однажды утром во время переклички он остановился передо мной. Мы стояли и смотрели в глаза друг другу, палач и жертва. Я не опускал взгляд, без страха глядя в его звериные глаза, перед которыми все дрожали. Я, восемнадцатилетний Йован, стоял перед кровопийцей, которому всегда было мало сербской крови. Пара секунд превратились в вечность. Я все время чувствовал свой крестик на груди под лохмотьями, я надеялся на него. Я молился Господу, и свет Его озарял мою душу и вливал надежду. Было мне восемнадцать лет.

Я только вступал в жизнь, хотелось еще пожить. Глядя на меня, палач кнутом постукивал по сапогам, словно напоминая, что истекает мое земное время. Мне было жаль его, ведь он допустил, чтобы темные силы завладели его душой. Он оказался на самом дне колодца бесчеловечности. И я себя чувствовал сильнее его, хотя он и мог убить меня в любое мгновение. В эти минуты я достиг вершины набожности в своем молчании. Молчал и он, но не из набожности, а от страха за свои преступления. Еще разок стукнул по сапогу и продолжил далее. Выбирал другую жертву, а меня решил оставить на будущее. Спасение меня не радовало, ведь вместо меня должен был пострадать кто-то другой. Он остановился перед Илией Габоровичем из Негришор, недолго на него смотрел – кнутом приказал выйти из строя. Этого

парнишку я хорошо знал, и было мне так тяжело, словно это меня ожидают страшные мучения. Атанас Ценков как орел набросился на Илию, избивая его кнутом и ногами. Бил, пока тот не упал, а затем велел унести. И больше мы никогда его не видали.

Вам пора идти? Доктор, вы не стесняйтесь, предупреждайте, сколько можете оставаться, чтобы слушать старика, я ведь понимаю, у вас свои обязанности. Я-то никуда не спешу. Это, вероятно, последняя станция на моем земном пути, я не тороплюсь, вот только бы успеть закончить этот рассказ.

* * *

Что вам сказать? Мне немного лучше, но боли еще есть. Похоже, ваша терапия на какое-то время продлит мою жизнь, хотя границу, отпущенную мне Богом, я не смогу перешагнуть.

Вернемся в лагерь под Варной. Погибших бросали в огромную яму за чертой лагеря, посыпали их известью и заваливали землей. Но трупы были зарыты неглубоко, и собаки стали их выкапывать по ночам. Слышно было, как они скулят и грызутся за сербские руки, ноги и туловища. Когда я слушал это, сердце сжималось в комок от гнева и боли. Будет ли конец нашим страданиям? – спрашивал я себя.

Потом нас, заключенных, отправили копать глубокие ямы и перебрасывать туда тела. Кости наших друзей, которые в свои лучшие годы приняли мученическую смерть. Эти массовые захоронения собаки уже не могли раскопать, и их лай по ночам прекратился.

Той зимой выпало много снега. Лагерь был завален сугробами, и мы должны были их разгребать и чистить территорию. Было много холодных дней, когда мы замерзали во время работы, а охранники стояли возле нас в толстых теплых тулупах. А тех, кто не выдерживал и падал, били немилосердно.

Временами какое-то странное равнодушие к собственной судьбе овладевало нами, в минуты отчаяния человек смиряется со смертью, видя в ней единственное спасение. В конце той первой зимы в лагере случилась вспышка сыпного тифа, хотя и до этого в 1915-м он встречался в Сербии. Болезнь со страшной силой обрушилась на лагерь с несколькими тысячами военнопленных. Меры, предпринимаемые администрацией лагеря, были не в состоянии остановить распространение болезни, умирали и их люди тоже.

И когда уже не знали, что делать с тифозными, им в голову пришла ужасная идея: запирать больных в большом старом здании за территорией лагеря.

А чтобы мученики побыстрее умирали, им не давали еды и воды. Многие двинулись умом, кончаясь в нечеловеческих муках. Ночью из этого здания доносились страшные вопли и стенания обезумевших людей. Там лишились жизни и некоторые из нашего края, чьих имен уже не могу вспомнить.

Слышно было, как в сумасшествии и агонии оттуда выкрикивают: «Да здравствует король Петр! Да здравствует Сербия!» Лагерную комендатуру и охранников это бесило, но из-за страха перед заразой никто из них не смел туда войти. Потом рассказывали, что несчастные, измученные голодом и жаждой, пожирали друг друга. Набрасывались сосед на соседа, брат на брата.

Весной 1916 года в день Сорока святых мучеников я заболел тифом. Коснулся порога собственной гибели. Ноги мои подкосились, и я свалился в жару. Из-за поноса началось обезвоживание, а из пустого желудка нечего было выйти, кроме слизи. Ночью я был грешным исповедником перед затемненным небесным алтарем. Игра со смертью, думал я, была моей последней земной игрой. Я ожидал, что и меня отправят в страшный дом, но этого не случилось.

Палачи придумали новый способ, как расправиться с нами. Теперь больных не запирали в дом, а грузили по семь, по восемь в лодки. Лодки крепили к буксирам и вывозили в открытое море, где и оставляли нас подыхать мокрыми, без пищи и воды. Так началось наше медленное умирание над бездонными глубинами синего моря, которому предстояло стать нашей могилой.

Со мною в лодке было еще шестеро: Драгомир Арсович из Каоны, Михайло из Рачи, Обрад Айдич из Лиса и Драгован Бралович из села Праняни.

Сразу же нас отнесло так далеко в море, что берег едва виднелся. Людей охватила паника от бескрайней воды вокруг, в родных краях им не доводилось видеть ничего подобного. Весел у нас не было, управлять лодкой мы не могли, предоставленные ветрам и течениям.

В лунном свете вблизи и вдали виднелись лодки, полные сербских военнопленных, обреченных на страшную смерть – умирать, как больные собаки. Здесь, под чужим небом, плыли тифозные навстречу собственной смерти, которую призывали, чтобы поскорее освободиться от мук.

Я смотрел на черные точки, рассыпанные по бескрайней водной глади, словно стадо по нашим горным пастбищам. А в утлых лодчонках – умирающие, которых не принимают ни небо, ни земля, а только вода. Из нас семерых в худшем состоянии были Обрад и Драгован, они уже были в объятиях смерти. На рассвете послышалась ружейная пальба. Кто бы это здесь, среди синего моря, стрелял в кого-то? Может, в лагере расстреливают наших друзей? Но лагерь слишком далеко, оттуда выстрелы не слышны.

И тут сквозь туман вдалеке мы заметили у самого берега еле видные две-три лодки, по ним-то и вели огонь. Мы поняли, в чем дело: береговой патруль обстреливает те лодки, которые приближаются к берегу! Не пускают назад ни живыми, ни мертвыми. Выходит, если нас прибьет к берегу, и по нам откроют огонь. Я сказал об этом своим товарищам, но те, кто был в предсмертной агонии, меня уже не слышали.

Значит, наши плавучие гробы земля больше не принимает! Но на направление движения мы не могли повлиять, вода нас несла помимо нашей воли. Пальба до нас все еще долетала. Мокрые, озябшие, а некоторые в жару, мы тряслись на ветру. Перед нами было две возможности: скончаться в лодке или погибнуть от пуль. Выбрать свою смерть мы не могли. Этот дрейф проклятых лодок по волнам Черного моря даже сейчас, по прошествии стольких лет, доктор, живет во мне как самое страшное воспоминание.

На наших глазах, которые уже не были уверены в том, что видели, рождался новый день. Красный круг солнца выныривал из морских глубин, пучина переливалась и трепетала под его светом, море стало алым, словно напитанным кровью. Все это я примечал, так как был в лучшем состоянии, чем остальные.

В тот первый день испустил дух Обрад Айдачич, крестьянин из Лиса. Ужасно мучился, как и все тифозные больные. Весь горел, в бреду звал своих родных.

Нет, мы не стали. Зачем нам было его выбрасывать? Я рассчитал, что когда в лодке не останется живых, она, вероятно, перевернется или ее выбросит на берег. И следующей ночью сияла луна, а число лодок вроде бы увеличилось, видно, все больше больных отправляли в море. Мы вдруг заметили, что одну лодку морское течение несет прямо на нас, все ближе и ближе. Когда она была совсем рядом, мы увидели, что в ней сидит только один человек. Он вроде бы нас не замечал, хотя между нами было не больше десятка метров. Дьякон Михайло его окликнул и спросил, почему он один, а тот будто не слышит и голову к нам не повернул. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Гребя руками как веслами, мы попробовали подплыть поближе, это нам удалось. Две лодки мертвецов соприкоснулись, стукнувшись одна о другую.

– Дружище, ты почему один? – спрашиваем его.

– Да потому, что все умерли, – простонал он голосом, в котором было больше смерти, чем жизни.

Человек рассказал нам, что в лодке их было не меньше десятка, по морю их носит уже три дня и три ночи, и все, кроме него, поумирали один за другим. И вдруг он издал громкий крик, от которого пучина содрогнулась:

– Мама! Я не хочу умирать! Я хочу жить! Я хочу к тебе, мама!

Мы переглянулись. Ясно, что несчастный тронулся умом, это случалось часто с тифозными больными. Был он молод, не больше двадцати лет, крупный, но сейчас походил на живой скелет.

– Откуда ты, брат? – спросил его дьякон Михайло.

– Из Сербии, – процедил он сквозь зубы.

– А из какого места?

– Из самого красивого на свете.

– Давай мы перетащим тебя к нам, – говорим ему.

Ухватили его лодку и притянули к нашей.

Я шагнул и увидел в его лодке мертвецов, с вытаращенными глазами и открытыми ртами, синие и раздутые они лежали друг на друге. Их было больше, чем нас. Единственного живого я схватил за руку и велел, чтобы переходил к нам, а он на это ударил меня по лицу и закричал:

– Вон из моего дома! Не трогай моих братьев!

Я отскочил и вернулся в нашу лодку, мы решили оставить его в покое и предоставить парня его судьбе. Оттолкнули его лодку от нашей, и течение унесло ее вдаль. Она уплывала все дальше и дальше. И вдруг человек этот замахал руками и завопил:

– Не отпускайте меня! Чудовища меня сожрут!

Его голос едва достигал наших ушей.

– Что будем делать? – спросил один из нас, кто еще мог говорить.

– Нет ему спасенья, так же как и нам, – сказал Неманя.

– Братья, не по-людски и не по-христиански оставить его без помощи, – проговорил Михайло.

– Пусть каждый идет своим путем к своему печальному концу, – опять сказал кто-то. – А вы двое, если хотите, можете перейти к нему в лодку, и плывите вместе.

На это все замолчали. Сказать было больше нечего. Когда люди на пороге гибели, им не до жалости к другим. Каждый из нас смотрел прямо в зрачки своей смерти. Крики с той лодки доносились все слабее.

Я пожелал ему, чтобы Господь как можно быстрее принял его в небесном приюте.

А нашу лодку волны все дальше уносили от берега, и я подумал, что, может, нас отнесет к Турции или к России. И там нас выбросит на пустынные скалы. И наши трупы, когда все мы умрем, огромные птицы будут клевать день за днем, каркать, растаскивая наши кишки из утробы. И выключают наши молодые глаза, которые еще не нагляделись на белый свет.

Вот такими были мои тайные мысли, доктор.

Мертвого Обрада мы переместили на борт лодки, чтобы те, кому было хуже всех, могли лечь. Уже сутки ни крошки хлеба не было, да если б и было, вряд ли мы смогли бы есть. Наши руки и ноги были как сухие плети, а ребра напоминали пададь.

Драгомир и Драгован метались в жару, их лихорадило. Жажда сводила нас с ума, губы наши потрескались, как сухая земля. Вокруг нас вода без конца и без края, а мы умираем от жажды! Мы черпали ее ладонями и смачивали губы. А стоило проглотить несколько капель, как жажда становилась еще сильнее, словно ты проглотил полную горсть соли.

Месяц по своей орбите скользил потихоньку на запад. Было полнолуние. Полная луна. Истекала еще одна наша ночь в море. По звездам я определил, что полночь миновала. В бреду

у некоторых начались галлюцинации, похоже, все мы обезумеем и поубиваем друг друга. Люди кричали, что видят далекие леса, стада коров на пастбищах, стаи волков в горах. Кричали, что слышат лай собак и кукареканье петухов, голоса своих родных. Громче всех кричал Драгомир, к нему присоединился Драгован, хором стали кричать: «В атаку! На штурм!» Они начали скакать по лодке.

– Успокойтесь, лодку перевернете, – закричал дьякон Михайло.

– Утонем все, – произнес кто-то еще.

– Чем скорее, тем лучше, – заорали эти двое.

Своими криками они будто хотели отпугнуть злую судьбу, которая плыла в лодке вместе с нами. Силы нас покидали, болезнь въедалась все сильнее. Многие все глубже погружались в безумие. Драгомир и Неманя встали посреди лодки и запели, обнявшись, старую свадебную песню, разносившуюся над нашими просторами, когда разодетые сваты провожали невесту. Оба были стройные, красивые, неженатые, всего лишь на год-другой старше меня. Сейчас они выглядели как призраки, и сердце мое разрывалось, пока я слушал их песню.

В ту ночь скончались все, кроме меня и дьякона Михайло. Теперь над морской пучиной качалась на волнах лодка с пятью мертвецами и двумя живыми. Море гудело, не суля нам ничего доброго. Михайло сказал, что лучше он бросится в воду, чтобы не затягивать свои мучения, но я напомнил ему, что так нельзя поступать, тем более ему как дьякону, Господь его не одобрит. Человек не вправе лишать себя жизни, данной ему Богом. Он только посмотрел на меня и ничего не ответил.

Потом Михайло, завывая, рухнул на дно, рядом с мертвецами. Подул северо-западный ветер и понес нас прямо к берегу. Лодка плыла все быстрее, впереди виднелся небольшой лесочек. Похоже, здесь нас и выбросит на песчаную отмель. Но как раз оттуда раздались выстрелы, пули засвистели рядом с нами.

В эту минуту Михайло поднял голову, и пуля попала ему прямо в лоб. Он упал, обливаясь кровью. Пока продолжали стрелять, я лежал неподвижно между мертвецами. Решив, что живых в нашей лодке не осталось, солдаты прекратили пальбу. Я думал о том, что как только лодку выбросит на берег, они обнаружат меня и прикончат.

Но чья-то могущественная рука развернула наш челн, и он устремился в открытое море все быстрее и быстрее. Я лежал на дне, слыша, что стрельба продолжалась по тем лодкам, в которых еще оставались живые. Так из семерых человек только я один остался в живых. Перед глазами все кружилось, я понимал, что истекают последние часы моей жизни, конец приближается.

Но как бы плохо мне ни было, я счел своим долгом провести отпевание своих товарищей. И тут произошло чудо – Михайло поднялся из мертвых! Он объяснил, что пуля лишь задела ухо, а не попала в лоб, как мне показалось. От счастья я обнял его и расцеловал. И предложил ему вместе со мной отслужить обряд над усопшими. Он согласился.

Честные и храбрые сыны земли лежали перед нами, колышась на волнах своего будущего кладбища. Их костям предстоит веками почивать на дне далекого синего моря, то же суждено и нам. Наша лодка удалилась так далеко от берега, что пули убийц уже не могли достать нас. Но другу моему вдруг стало хуже, Михайло упал на мертвецов и взгляд его обратился к небу. А мне почудились странные звуки – монотонное пение, словно хор священнослужителей. Его сменили причитания женщин, как во время панихиды. Может, это наши матери, жены и сестры оплакивают нас в далеких родных краях, может, это их плач доносится до нас двоих, единственных, кого смерть еще не подкосила? Или это поют души наших погибших товарищей?

Михайло пришел в себя, и я попросил его закончить отпевание, покуда есть еще силы. Ну а когда мы последуем за ними, нас отпоет божий ветер. Луна приблизилась к западному горизонту, и словно тысячи крошечных светильников затрепетали на волнах.

Я вынул крест и показал его Михайло, он был удивлен и обрадован. Кроме креста не было ничего, что требовалось для совершения обряда: ни ладана, ни свечей, ни кадила, ни требника. И все же мы отпевали наших товарищей в эту весеннюю ночь среди вод Черного моря. Исполняя богоугодную службу, мы, нараспев, произносили слова:

«Благословен Бог наш и ныне и присно и во веки веков. Господи, в прибежище Твое, где все святые Твои находят покой, прими души рабов Твоих Драгомира, Немани, Жарко, Обрада и Драгована, скончавшихся в этих водах. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь».

Наши слова «аллилуя» и «вечная память» ветер уносил все дальше и дальше. Звуки нашей молитвы сливались с гулом моря, наши сердца скорбели по славным сыновьям земли сербской.

Когда молитва наша подходила к концу, вновь случилось нечто чудесное: мы увидели лодку, которая к нам приближалась так быстро, словно множество весел гребли в ней, хотя никого не было видно. Никто и не сидел, и не стоял в этой лодке, большей, чем наша. После удара о борт мы заглянули в нее и увидели кучу мертвецов, валявшихся друг на друге, словно дрова, никто из них не шевелился.

Нет, доктор, заразы я не боялся. Какой смысл бояться заразы, когда ты уже болен.

Я решился шагнуть в лодку мертвецов, и тут меня кто-то ухватил за ногу! Я содрогнулся, увидав перед собой человека распухшего, с синим лицом, который мне что-то говорил, совсем неразборчиво. Подал знак Михайло, чтобы и он приблизился, вдвоем мы попытались поднять несчастного на ноги. Он привстал и вновь повалился. Мы разобрали только «хлеба, хлеба». Но это был не голос человека, а последний стон мертвеца. Увидев крест в моей руке, он подал знак поднести ему к губам и поцеловал, пытаясь перекреститься иссохшими руками. Ему удалось поведать нам, что их лодку носит много дней по морю, что все, кто в ней, – из Ужице, и что его зовут Неделько. Мы хотели перетащить его к нам, но ничего не вышло, хоть и исхудалый, он все же был слишком тяжел для нас.

Тогда мы решили предоставить его собственной судьбе и вернуться обратно, но он судорожно ухватил Михайло за ногу, умоляя не оставлять его одного. И мы приняли тяжелое решение оставить наших мертвых товарищей, которым мы все равно ничем уже не могли помочь, на милость волн и присоединиться к ужичанину. С болью в сердце мы провожали взглядом лодку, уносившую наших земляков из Драгачева.

Всю ночь и следующий день мы – двое еще живых, один полумертвый и десяток мертвецов – плавали по ветреному морю. Вечером Неделько испустил дух у нас на руках. Мы помолились за него и продолжили путь к собственной смерти. Голод и болезнь вели к концу наше существование. Жажда доводила нас до иступления, и мы пили морскую воду, разрушавшую пищевод и желудок. Я, грешный Йован, и дьякон Михайло из шумадийского села Губеревцы стояли на пороге своей смерти.

Я махнул рукой тем, кто уже едва виднелся на горизонте, моим землякам, и сказал:

– Прощайте, братья! Увидимся в небесном пристанище, куда и я иду вслед за вами. Почивайте мирно на своем водяном одре.

Той ночью, наверное, ближе к полуночи, Михайло предстал перед Господом. Один я оставался в живых рядом с двенадцатью мертвецами. Помолившись за душу Михайло, я стал ожидать свой смертный час.

Куда меня ветра носили, не знаю. Больной, обессиленный, я свалился среди мертвых ужичан. А когда очнулся, обнаружил себя в каком-то доме на кровати. Рядом с собой я увидел мужчину и женщину. Я не представлял, где нахожусь и как я сюда попал.

Когда я немного пришел в себя, они мне все объяснили. Моими спасителями были Здравко Колев и его жена Цветана, оба лет пятидесяти. Рассказали, что нашли меня в лодке, выброшенной на берег возле их дома. Поскольку я единственный подавал признаки жизни, меня они вытащили, а остальных пустили обратно в море. Это было в нескольких километ-

рах к югу от лагеря, там, где патрули уже не дежурили. Ухаживали за мной, как за родным сыном, а их настоящий единственный сын погиб на фронте у Добруджи. Они не подозревали, что у меня тиф, но за их доброту Бог защитил обоих – болезнь не перешла на них. Сначала они давали мне только козье молоко и сыр, потом понемногу рисовой каши и щей из капусты. Так они ухаживали за мной почти две недели и не хотели отпускать, пока я не окрепну. В путь меня одели в костюм своего сына, вместо моих лохмотьев. Посоветовали не возвращаться в лагерь, где бы меня, скорее всего, расстреляли, а пробираться в Сербию. Женщина собрала мне еды в дорогу: хлеб, сыр, сало, лук, повидло и мед. И как раз когда я был на пороге, подоспел военный патруль. Меня, Здравко и Цветану допросили на месте, и я рассказал все, как все было. Их привязали к дереву, а меня забрали. На военном джипе меня доставили в лагерь и сразу же привели к коменданту Атанасу Ценкову. Вновь, как некогда перед строем, мы смотрели глаза в глаза друг другу. Тогда я ускользнул от него, но сейчас вряд ли. Сначала он дал мне пощечину, а затем извлек из кармана клещи, которые всегда имел при себе, и вытащил мне ноготь из пальца на руке. Боль была чудовищной, но крика моего он не дождался.

Он приказал меня расстрелять, а перед этим я должен был вырыть сам для себя могилу. Но тут что-то во мне произошло, словно лопнула натянутая струна, и из мученика я превратился в знаменосца Божьего промысла. Я почувствовал себя сильнее, чем тот, кто шлет меня на смерть. И еще требует, чтоб я сам себе копал могилу! Кому еще выпала такая честь? Я смотрел на своих убийц, ничтожеств, погрязших во грехах, шатающихся вокруг меня в ожидании моей казни.

А я, выкапывая себе вечный дом, запел во весь голос. Неудержимым потоком хлынула из меня любовь к Господу. Крестик постукивал меня по груди, обещая, что под землей мы будем лежать вместе, и это вливало в меня какую-то новую силу. Работая лопатой, я запел песню, которая была мне дорога когда-то: «Девушка зеленую ель посадила, ель посадила, с елью говорила»...

И пока моя песня лилась, к ужасу моих врагов, я ударял заступом, киркой и лопатой. Земля была мягкой, и дело спорилось. Я строил себе вечный дом в чужой земле и воспринимал это как привилегию, которая не каждому дается.

Пока я пел, они смотрели на меня с вытаращенными глазами, такого смертника им еще не приходилось видеть. Вместо плача они слушали пение. Некоторые заключенные подбежали, чтобы мне помочь, но их отогнали кнутами.

Закончив работу, я решил одержать по себе заупокойный молебен, и это их напугало еще больше, чем пение. Воздев руки к небу, я произнес:

«Помолимся за упокоение раба Божьего Йована. Господи Боже, во имя Твое и во имя Твоего единокровного сына и Твоего Святого Духа прости ему всяко прегрешение его...»

Комендант Ценков закричал и велел охранникам оттащить меня от ямы. Мое стремление к Богу и воззвание к имени Его этот негодяй не мог перенести. Решив, что я сошел с ума, приказал отвести меня в камеру-одиночку. В ней находился только топчан из голых досок, а с потолка мне на голову капала вода. Но как ни тосклива была обстановка в камере, тоски внутри себя я не ощущал, моя душа бороздила просторы мира, созданного Господом, лишь как временное пристанище ее, прежде чем она покинет его и устремится в небеса к вечной жизни.

Размышляя потом о случившемся, я догадался, что меня спасло: они не имели права убить умалишенного! Должны же они были соблюдать хоть что-то из того, что подписали в международных меморандумах о войне и содержании военнопленных. В камере было темно, но я видел свет, льющийся с небес.

Крест Огненной Марии я повесил на стену, памятуя ее слова, что я не должен никогда с ним разлучаться, и тогда он будет оберегать меня от всякого зла. Время от времени подхо-

дили охранники и через глазок проверяли, как ведет себя сумасшедший, который поет, глядя в глаза своей смерти. Я сожалел о них, ведь это они были во власти тьмы, а не я, заключенный в четырех стенах. Я был свободнее, чем они. В тесноте своей души они задохнулись, в то время как я дышал полной грудью.

Увидав их глаза в отверстии двери, я начинал петь. Это было их поражение, а не мое. Я победил под рукой Господа. Видел только их глаза, а лица убийц не видел. И пока мы так смотрели друг на друга, в меня вселялась надежда на спасение. Я чувствовал, как их взгляды отскакивают от меня, как волны от скал. И я все пел, прохаживаясь с руками за спиной, не обращая на них внимания. Наконец сила воли моей победила. Через неделю меня вывели наружу. Я ожидал, что меня забьют насмерть, но меня отправили в барак, в то же самое помещение номер шесть.

Предварительно лагерный лекарь осмотрел меня, чтобы определить, насколько я как тифозный больной опасен для окружающих. К общему изумлению, он установил, что я выздоровел. За это я благодарен прежде всего добрым людям Здравко и Цветане, за них я до сих пор, пятьдесят лет спустя, молюсь неустанно. И, конечно же, Господу Богу.

Многих из своих друзей я не застал в живых. Среди них больше не было Николы Чикириза из Рти, Станое Радичевича из Горня-Краварицы, Данило Плазинича из Губеревцев, Петроние Зимонича из Горачичей, Дамляна Раовича из Дучаловичей и еще нескольких, чьих имен уже не помню.

Доктор, мне пора передохнуть, а вам – приступить к своим обязанностям. Завтра продолжим малость побыстрее, мне еще много требуется поведать вам.

Да. От этого я чувствую себя лучше. Надеюсь, доживу до конца своего рассказа.

* * *

Так себе. Но, дорогой мой доктор, от человека за девяносто нельзя ожидать, что он будет спать, как грудной ребенок.

Продолжим с того места, где я вчера остановился. В лагере мы провели почти два года, и за то время либо умерло, либо было убито не менее чем половина заключенных. Освободили нас в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября по старому стилю 1917 г. На справке об освобождении стояла печать со словами «Могучая держава Болгария».

Живые скелеты, пережившие ад, были выпущены, чтобы, шатаясь, отправиться в долгий путь к родным местам в далекой Сербии. Нам предстояло пересечь всю Болгарию, от моря до границы с нашей страной, а оттуда пройти еще половину Сербии, чтобы добраться до своих домов.

Как мы путешествовали? Пешком, доктор, а как же еще? Мы разделились на маленькие группки, чтобы легче было добывать еду. Со мной отправились еще четверо из Драгачева: Радоица Клисариц из Губеревцев, Милойко Елушич из Граба, Богосав Йовашевич из Марковицы и Глигорие Бежанич из Брезовицы. В лохмотьях (костюм, который мне дал Здравко Колев, в лагере у меня отобрали), без еды, на исходе сил, зимними холодами, нам предстояло преодолеть путь более тысячи километров длиной. И это пешком! Через страну, народ которой враждебно к нам настроен. К счастью, последнее оказалось неверным.

Позади нас остались бесчисленные могилы наших братьев, сброшенных в ямы или утопленных в море. Перед нами были длинные и тяжкие пути новых страданий. И на день Введения Богородицы – по новому стилю 4 декабря – мы молились Пресвятой Богородице так же, как страшной ночью Богоявленской на волнах взбесившегося моря два года назад. Молебен мы отслужили, только когда удалились от места наших мучений, миновав город.

На пути нас ожидали болгарские горы, занесенные снегом, так как в тот год зима началась рано. Из соображений безопасности мы передвигались, минуя главные дороги. Хоть

нам и выдали документы, но если бы мы попали в руки болгарским военным или жандармам, скорее всего, они бы нас избили. Мы для них по-прежнему оставались врагами.

Дороги мы не знали и шли по солнцу, помня, что Сербия – на западе. А так как сквозь зимнюю мглу солнце проглядывало нечасто, ориентироваться было тяжело. Весь первый день мы шли вдоль какой-то реки и к вечеру набрали на мельницу. Промерзшие и изголодавшиеся (несколько галет и консервов, полученных в лагере, сберегались на черный день), мы решились войти внутрь. Внутри был мельник, пожилой человек. И в неприятельской стране даже в недобрые времена можно найти хороших людей. Мельник принял нас со всей душой.

Мы отогрелись у теплой печки, а на ужин он приготовил нам мамалыгу с сыром. С тех пор как я ушел на фронт в 1915 году, первый раз я ощутил благодать теплого дома и теплой еды. На ночь он укрыл нас грубошерстными покрывалами. Семя зла в те страшные времена не попало в душу этого человека. Пока мои усталые товарищи спали, я часто просыпался и прислушивался к стуку мельничного колеса, который напоминал мне звуки из детства.

Путру мельник накормил нас завтраком и дал с собой в дорогу лепешку с сыром. Объяснил, как дойти до ближайшего населенного пункта Янково. Отдал нам кое-что из своей старой одежды и какие-то тонкие мешки, на всякий случай, вдруг понадобятся. Увидев у него свечи, я попросил хотя бы две, и он дал их от всего сердца. И еще он сказал нам, что без опаски можем заходить в крестьянские дома, так как болгарский народ добр и честен, не такой, как его политическое и военное руководство.

Так наша небольшая дружина начала борьбу за выживание. Изможденные, мы едва могли передвигаться. В наихудшем состоянии был Богосав. От некогда крупного мужчины осталась одна тень, да и остальные были не лучше. Ноги у всех были обморожены до самых колен.

Янково мы обошли, так как боялись военных и жандармов, которых мы заметили на подступах к городку. Через покрытую снегом вершину мы спустились в долину, где нас застала ночь. Нигде не видно ни одного дома, куда мы могли бы постучать. Богосав упал, дальше идти он не мог. Смерть уже занесла косу над его головой. Было это предупреждение всем нам о грядущей участи.

Мы зарылись в стог сена, закопались глубоко, как дикие животные в нору. Бдели над нашим умирающим другом, снегом охлаждали его пылающий лоб. Но надо было идти дальше. Рядом с сеном мы нашли какие-то доски, из них соорудили носилки, на которые уложили Богосава. Укрыли его рогожей и тронулись в путь, сменяясь по двое. Четыре скелета несли живого мертвеца. Долго мы не выдержали. Положили носилки на снег и стали по двое тащить их волоком за веревки. Так нам было легче.

К середине дня мы дошли до леса и остановились, Богосав умирал. Переселение его души из тела в небеса длилось долго, он очень мучился. Весь распухший, в жару, он отдал Богу душу только после полудня. Мы вставили свечу ему в руку и зажгли ее. Совершили отпевание, но поскольку нам нечем было вырыть могилу, чтобы похоронить его по-людски, мы и дальше волокли его тело, привязанное к доскам.

Вскоре мы подошли к одинокому дому, вошли во двор, тут перед нами появилась старая женщина. Увидев нас с мертвецом, она окаменела от страха. Мы поздоровались и спросили:

– Матушка, есть ли поблизости какое-нибудь кладбище, нам надо похоронить товарища?

– Господи Боже, откуда вы такие? – спросила она нас, глубоко тронутая.

Она могла бы быть нашей матерью, ведь все мы были молодыми, от двадцати до тридцати лет. На родственных языках мы легко понимали друг друга.

– Мы из лагеря военнопленных в Варне, матушка, объяснили мы ей.

В ее глазах появились слезы. Она сказала, что в доме кроме нее сноха и двое внуков, муж ее умер, а сын погиб на поле боя. Сочувствие растопило ее сердце, и она позвала нас в дом. Женщина приготовила нам чай и накормила обедом, что нас изрядно подкрепило.

Потом она показала нам сельское кладбище и дала инструменты, которыми можно вырыть могилу. Тяжело копать мерзлую землю. Мы отделили голову Богосава, чтобы тот, кто останется жив, отнес ее его близким в Сербию. Вместо гроба мы положили на дно могилы доски. На могильном холме вкопали крест, и детем я написал слова «Богосав Йовашевич, Марковица». Мы побоялись написать «Сербия» из страха, что злые люди выкопают его из могилы. Над местом упокоения мы помолились о его душе, женщине вернули инструменты и поблагодарили.

Но доброте ее не было конца. Перед уходом она дала нам одежду, обувь и еду. Прихватили мы и несколько досок, на случай, если понадобятся в дороге. То село, где навсегда остался Богосав, называется Семениково, если я правильно помню.

Доктор, должен вам признаться, в моих воспоминаниях много дыр, которые прогрызли годы, как моль драгоценную ткань. Но и того, что осталось, достаточно, чтобы нарисовать картину страшного времени, которое нам пришлось пережить. Эту ненаписанную книгу моей жизни я как раз сейчас перед вами перелистываю.

Потороплюсь, пока язык мой не одеревенел, а мысль не застыла в голове. Из села Семеникова мы и дальше шли на запад. Семь дней и ночей мы шли через горы, это была единственная дорога. Страшная метель нас застала в этих горах, мы задыхались, падали в сугробы и вновь поднимались. Душа готова была покинуть тело, последние силы истекали.

В тот день мы нашли пастушескую лачугу, вернее загон, крытый соломой, в котором пастухи держат стадо от весны до осени. Гора та называлась Лиса, как и одно из сел в нашем Драгачеве. Здесь мы смогли укрыться от ветра, но болезни и истощенность вели нас к концу. Радоица впал в безумие, звал своих родных, ему казалось, что он гонит стадо на пастбище.

В пастушьем шалаше мы нашли старую посуду кастрюлю и сковородку, в них мы сварили корешки растений, выкопанных из-под снега, и кукурузные зерна из навоза. Мы грелись у печурки, следя, чтобы огонь не поджег солому.

И пока мы так сидели, во мне крепло предчувствие, что мы один за другим поумираем в этих заснеженных горах. И никого не останется в живых, чтобы поведать миру о страданиях пятерых мучеников, возвращающихся из плена. Но Всевышний на небесах всегда позаботится о том, чтобы оставить свидетеля пережитого.

Я уже сказал вам, доктор, что мы ели корешки и зерна из навоза, что только отодвигало наш судный день. Мы оставались на месте несколько дней в напрасных надеждах, что Радоице станет лучше. Он испустил дух в день великомученицы Варвары, по старому календарю 4 декабря. Так как нам нечем было выкопать могилу, а оставить его на растерзание диким зверям было невыносимо, мы положили его на доски, привязали веревкой и так волокли в надежде, что представится возможность дать вечное упокоение его душе.

Кое-где снег был таким глубоким, что мы вместе с мертвецом проваливались в сугробы. Так мы тащили мертвого Радоицу три дня и три ночи через Лису, большую, чем наша Елица, бездорожную и непроходимую. Названия гор, рек и населенных пунктов, нами пройденных, доктор, я узнал только после возвращения, из географических карт. Лису на своем пути мы не могли обойти. Мы и дальше в кастрюле, которая, вероятно, служила пастухам для дойки коров и овец, варили корешки разных растений. В детстве моя бабушка научила меня узнавать лечебные травы, которые растут в наших лесах и на наших лугах. Эти знания очень помогли суровой зимой в нашей борьбе за выживание. Некоторые из них мне удалось найти под снегом.

Кроме того, мы толкли желуди и еловые шишки и из них варили кашу. Мы собирали остатки мороженого боярышника, шиповника и кизила, ведь пустой желудок надо чем-то обмануть. Все это хоть как-то поддерживало в нас жизнь.

На четвертый день после кончины Радоицы у ручья в долине перед нами оказался колодец, заросший бурьяном, с деревянной крышкой. Спрашиваете, не вонял ли наш мертвец? Не мог, в такой мороз он был словно на леднике. Страшный холод в наших невзгодах хоть в чем-то помогал – не было надобности немедленно хоронить умерших друзей.

Итак, продолжим далее. Нам было ясно, что из этого колодца давно уже никто не берет воду, иначе он бы не зарос сорняками и колючками. На дне виднелась вода. И мы решили нашего умершего товарища опустить в колодец. С тяжелым сердцем мы решились на такое, но выбора не было. Лучше уж так, чем оставлять его зверям и птицам. Возле нас не было следов ни жилья, ни людей.

Здесь, перед его последним домом, мы провели отпевание Радоицы. Я читал, а Милойко и Глигорие вторили. Слова молитвы об упокоении души нашего брата уносил горный ветер, а голоса наши расстилались по белому покрывалу вокруг нас. Пока мы пели: «Упокой, Господи, душу раба твоего Радоицы», – покойник лежал на досках, с куском лепешки на груди, той, что дала нам добрая женщина в селе Семениково, сейчас твердой, как камень. На лепешке горела свеча (мы хранили ее, чтобы хоть понемногу горела для каждого умершего, освещая ему путь в вечность). С умершего мы сняли куртку и штаны, которые ему уже были не нужны, а нам могли пригодиться. После отпевания Милойко предложил на прощание с нашим другом спеть для него песню из нашего края. И три живых скелета в заснеженных горах затянули, прощаясь с четвертым мертвецом:

Драгачево, зеленая левада,
Здесь я с милой пас белое стадо...

Песней хотели мы его проводить, ведь он был молод и неженат. Когда пели, слезы наворачивались нам на глаза. Всего мы лишились, доктор, осталось лишь возвышенное действие умирания. Зловещий рок простирался над нашими головами.

Вдоль реки мы спустились к городу Велико Тырново, тут мое сердце забилося сильнее, ведь мы дошли до места, где в 1235 году, возвращаясь из Святой земли, святой Савва отдал душу Господу. Мы спросили дорогу и вскоре оказались пред воротами церкви Сорока святых мучеников. Узнав, кто мы и откуда, братия нас приняла, как родных. В первый же вечер под предводительством настоятеля храма отца Никанора мы отслужили литургию в честь первого сербского архиепископа рядом с плитой, где когда-то была его могила, пока король Владислав не перенес его мощи на родину. Над плитой на стене было написано имя великого сербского священника. Глубоко взволнованный, я поцеловал эту надпись, для меня это был важнейший момент жизни. В том храме, где нас и уважали, и угощали, и говорили теплые слова, мы оставались три дня в ежедневных молитвах. А затем продолжили наш путь. Наши православные братья проводили нас, снабдив в дорогу пищей, уход наш сопровождался звоном церковных колоколов.

Далее мы пробирались через Тырновские горы. Милойко становилось все хуже, он едва передвигал ноги. Когда мы обнаружили пастушеский катун⁴, пустой и занесенный снегом, решили здесь остановиться на ночлег. Постройка состояла из загона для скота и хижины для пастухов. В ней оказались кровать, старая кухонная плита и немного посуды. Мы насобирали дров и разожгли огонь, а Милойко уложили в кровать и заварили ему липовый чай из засушенных цветов, пучками висевших у входа. Вскоре комната благоухала пьянящим аро-

⁴ Катун – постройка на летнем горном пастбище.

матом, наполняя им наши измученные души. В хижине нашлась кукурузная мука, из которой мы испекли хлеб, и мы вытащили на свет Божий запасы, полученные от братии. Так как был пост, то и еда была только постная: сушеная рыба, плов на растительном масле, рисовый пирог, мед, орехи, сушеный чернослив. Мы вдвоем присели и немного поели.

А Милойко кусок в горло не лез, ему стало гораздо хуже. Ясно было, что и он скоро отправится вслед за Богосавом и Радоицей. Ночью разразилась страшная пурга, вьюга завывала, горы стонали, а дубы и буки сгибались и скрипели. Мы пили чай у плиты и молчали, а Милойко в кровати под покрывалом, пропахшим сыром, стонал от сильной боли.

На пылающий лоб мы ставили ему холодные компрессы, но глаза его уже затянула пелена, предвестница смерти. Я, грешный, тайком молился Богу, чтобы он прибрал его, пока мы здесь, в катуне, чтобы смерть не застала его в горах.

Вот, доктор, сколь страшное было время, если я Бога молил о смерти товарища своего в расцвете молодости. Богосав и Радоица нашли свое упокоение, один на сельском кладбище, другой – в колодце, но что мы будем делать с Милойко, мучил меня вопрос. Мы оставались три дня в катуне, нам было тепло, мы ели сушеную рыбу и похлебку из корешков, варили желуди. Милойко вроде бы стало немного лучше, взгляд его прояснился, а жар уменьшился. Молодой организм борется с болезнью лучше, чем старый.

На четвертый день непогода затихла, и мы решили идти дальше. Ждать было некогда, надо было как можно быстрее выбираться из заснеженных гор. Тут нам и пригодилась одежда, которую дала нам женщина из Семеникова. Милойко мы одели в самое теплое, забрали и два мешка из катуна.

Но в тот же день после полудня Милойко вдруг стало хуже, он упал и больше не поднялся. Мы перенесли его под развесистый дуб, под ним он и скончался. Нечем было выкопать могилу, а от катуна мы далеко ушли, полдня хода, не могли вернуться за инструментом. Пришлось поступить так же, как и с Радоицей, – привязать к доскам и тянуть за веревку по снегу.

Мы собирались, спустившись с гор, попросить лопату в первом же доме. Двигались мы медленно, велико было опасение, что ночь застанет нас в горах. Шли и шли все дальше на запад.

Как мы ориентировались? Доктор, нужда учит человека многому. Стороны света мы определяли так: где мох растет на стволе дуба, там и север. А когда было ясно, хоть это случалось нечасто, мы следили за передвижением солнца по небу.

В начале вечера мы дошли до горного ущелья, где нас поджидало новое несчастье. Когда мы шли через лес, нас сопровождал вой волков, эхом отзывавшийся в горах. Они все больше приближались к нам. Наверняка почуяли мертвеца, звери издали чуют то, что человек не может и вблизи.

Мы приготовили палки для обороны. Какая оборона! Как два ходячих скелета могут обороняться от стаи голодных волков? Растерзают и нас, и нашего мертвеца в клочки, так и исчезнем без следа. Постепенно они приближались и замыкали круг. Многие наши товарищи умерли в лагере, многие утонули в море, а нам предстоит стать пищей на трапезе волков!

Они нас окружили, кольцо сужалось, в их глазах мы видели свою смерть. Их было десять-двенадцать, шерсть дыбом, в любую минуту готовы кинуться на нас. Ждали только сигнала вожака, самый крупный самец был впереди всех, он возглавлял стаю. Мне был знаком волчий характер, с детства мне приходилось встречаться с ними в родных горах. Я знал, что главное – не показывать страх перед ними, иначе спасенья не будет. Но как держать себя в руках, слушая стук звериных клыков? Как не выдать себя под их кровожадными взглядами?

С крестом в руках я начал молиться Всевышнему о спасении душ наших. Глигорие читал молитву вместе со мной. Наши охрипшие голоса раздавались над горами, мешаясь с ветром и волчьим воем. Представьте себе эту картину в покрытых снегом горах! Быть

может, в последний раз мы молили: «Господи, единственная надежда наша, на тебя уповаем, не дозвожь нас, рабов твоих преданных, растерзать диким зверям. Обуздай их жажду крови нашей. Умоляем тебя, Господи, в этих пустынных горах спаси нас...»

Чем громче они рычали, тем громче мы пели. Запах мертвечины их подстегивал, волки класали зубами, сучили лапами. Ну а мы продолжали молиться, это было наше единственное оружие. Все мы ждали сигнала вожака, он первый бросится на нас, а за ним остальные.

И этот миг настал. Кинулись на нас остервенело. Напрасно мы лупили их палками, звери схватили мертвеца и уволокли его, а нас оставили в покое. Пока они рвали его на части, мы быстро забрались на дерево, так как знали, что придет и наш черед. Первым залез Глигорие и помог мне. Сверху мы наблюдали кошмарную сцену: от Милойко в мгновение ока остались только кости. Покончив с ним, волки устремились к нам. Скакали вокруг дерева и завывали, подняв к нам головы. Когда они поднимались на задние лапы, мы сверху били их палками.

Этот танец смерти продолжался почти целый час. Наконец, они устали и разошлись. Мы еще долго не решались спуститься, боялись, что они вернуться. Отважились мы только тогда, когда их вой удалился. Мы слезли с дерева и нашли только несколько костей, разбросанных на снегу, все, что осталось от Милойко. Мы их собрали и сложили в мешок, чтобы потом где-нибудь закопать. Это были две бедренные кости, несколько ребер, локоть, часть черепа. На месте его гибели весь снег был утопан волчьими лапами. Так наш покойный товарищ спас нас от неминуемой смерти.

Не боялись? Конечно, боялись. Знали, что волки могут снова напасть. Но у нас не было выбора, мы должны были двигаться дальше. Морозной ночью мы не смогли бы усидеть на дереве. Вечером мы спустились в долину, где ветер дул не так сильно. Теперь мы были лучше одеты, с мертвых друзей мы снимали все, что могло пригодиться, вот только от одежды Милойко ничего не осталось, волки все разорвали.

Следующую ночь мы провели, зарывшись в стог сена недалеко от какого-то дома. Нам не хватило смелости постучать в дверь. Никогда не знаешь, кто тебе откроет. Ну вот, мое повествование о нашем путешествии по Болгарии тянется дольше, чем я рассчитывал. Но эту главу своей истории, доктор, я обязан описать вам подробно.

Мы шли из Варны уже двадцать дней, а прошли только половину страны. На следующее утро мы шли по долине реки Янтры, с севера обошли город Габрово, один из самых больших в центральной части Болгарии. Мы остались без еды и без сил. Глигорию было хуже, чем мне, он еле двигался.

Мы решили свернуть в первый же дом в ближайшем селе, голод был сильнее страха. Нам открыла старая женщина, мы рассказали, кто мы и откуда идем. Сжалившись над нами, она пригласила нас войти. Мешок с черепами и Милойкиными костями мы оставили в прихожей. Мы сразу же почувствовали тепло души этой женщины. Из домочадцев в доме был ее свекор, тяжело больной, сноха и двое внуков. Про мужа и сына мы не спрашивали, скорее всего, они были на фронте.

Нас так хорошо приняли, что мы остались в этом доме на несколько дней. Нас не отпускали, пока мы хоть немного не поправимся. В благодарность мы помогали по дому: рубили дрова, кормили скотину, загружали зерно в мельницу, разгребали снег. Когда хозяева узнали, что в мешке мы несем кости погибших товарищей, предложили похоронить их на сельском кладбище. Мы согласились сделать это с костями Милойко, а головы Радоицы и Богосава решили и дальше нести с собой. Они нам дали доски, чтобы сколотить гроб, и мы похоронили то, что осталось от Милойко, сопроводив обряд короткой и скромной службой. Нас уверили, что можно написать на кресте не только имя покойника, но и откуда он, это никого не заденет. Женщина обещала, что, зажигая свечи за упокой души своих родных, она делает то же и для Милойко. Череп его мы взяли с собой в Сербию. Пребывание в этом доме

показало, что прав был мельник, встреченный нами в самом начале нашего пути, который говорил, что народ болгарский порядочнее и благороднее, чем политики этой страны.

По воле Господа случилось так, что в те же дни умер тяжело больной хозяин этого дома Тодор Пламенов, его имя я сохранил в памяти. Мы вдвоем помогали в подготовке к похоронам и на кладбище при отпевании. Одна вера, один богослужебный язык еще больше нас сблизили, хотя я в то время еще не был священником. То село называлось Гребенцы, и оно осталось светлой точкой на нашем скорбном пути в те тяжкие времена.

Гостеприимный дом мы оставили в день святого Игната Богоносца, окрепшие, снабженные едой. Неудивительно, что двигались мы быстрее, чем раньше. Через пять дней, в Сочельник 24 декабря 1917 года, мы стояли пред воротами монастыря у подножья Ловчанских гор. Решились постучать. Мы с Глигорие в нужный час оказались возле древних стен. Это был храм Христа Спасителя. Когда я рассказал, что был студентом теологии, вся братия собралась вокруг, сам отец Иоаникий, игумен монастыря, принял нас. И, несмотря на множество дел накануне завтрашнего великого праздника, они нам уделили внимание. Узнав, что в мешке у нас черепа наших друзей, они предложили похоронить их в церковной крипте, что было огромной честью, но, к сожалению, мы не могли ее принять. Мы объяснили, что хотим отнести их родственникам покойных для захоронения в родных местах. Вечером мы присутствовали при торжественном обряде сжигания бадняка⁵.

А ночью мы участвовали в богослужении, и когда я пел в хоре священников, сердце мое исполнилось великой радостью. Службу вел лично игумен Иоаникий, в ней участвовали многочисленные иеромонахи и архидьяконы. На следующий день я принимал участие в рождественской литургии. В монастыре мы оставались три дня как самые дорогие гости. И все эти почести нам были отданы в стране, армия которой столько зла причинила нашему народу. Здесь же нас встретили словами утешения, капли сочувствия, подобно каплям небесной росы на Джурджевдан⁶, бальзамом лечили наши израненные души.

Перед уходом игумен оказал нам великую честь: обоим вручил по иконке, самолично изготовленной, а мне еще подарил распятие Христово, которое когда-то собственноручно вырезал из тисового дерева. Благословил нас и пожелал благополучно добраться до родного дома. Мы поцеловали ему руку и пожелали долгой жизни и доброго здоровья на пути укрепления веры православной, а также мира нашим народам. Когда мы уходили, все вышли за монастырские ворота и махали нам на прощанье. В нашу честь зазвонили в колокола, их звон еще долго нас сопровождал. Эта икона 25 лет спустя спасла меня от неминуемой смерти.

Мы продолжали двигаться на запад, к нашему многострадальному Отечеству. Но очень быстро нас задержали жандармы и, обнаружив, что находится в наших мешках, обвинили нас в том, что это головы убитых нами болгар. Нам не помогли уверения, что это головы наших погибших друзей. Оставалось только сослаться на отца Иоаникия, и нас доставили обратно в монастырь. Тот богоугодный человек рассердился на жандармов и подтвердил, что головы действительно принадлежат сербским военнопленным. Тем самым он оградил нас от новых мучений, и мы вновь отправились в путь.

Болгарская земля показала нам два своих противоположных лица: одно кровожадное и бесчеловечное, а другое – благородное, полное человеческого тепла. Одно обрекало нас на страдания, другое залечивало наши раны и сопереживало нам. До Софии мы шли еще целую неделю. И, собрав всю решимость, вошли в город, безмерно рискуя. Мы хотели поклониться мощам короля Милутина, покоящимся в величественном храме Святого Воскресенья. Этого сербского монарха болгары веками прославляют осенью, в *День святого короля*. Мы вошли в пустынный собор, священник показал нам киот, покрытый бархатом цвета гнилой вишни.

⁵ Бадняк – ветки дуба, которые, по религиозному обряду, православные сербы сжигали в Сочельник.

⁶ Джурджевдан – праздник святого Джорджа (Георгия).

Мы зажгли свечи и в тишине оказали почести сербскому королю, основавшему сорок церквей и монастырей.

Выйдя наружу, мы продолжили свой путь. На полпути от Софии до Сливницы Глигорие всерьез занемог. Его мучили страшные боли в животе, все время рвало. Пришлось остановиться в ближайшем доме, где он и умер к концу дня. С помощью местных жителей я похоронил его на сельском кладбище, прочитав заупокойную молитву над его телом. Было это вблизи городка Петрч.

Да. И его голову я взял с собой в Сербию. Так и остался из нас пятерых лишь один я, грешный Йован. Болезнь и меня сотрясала, но все же я продолжал идти. Сербскую границу я пересек у Цариброда, позднее переименованного в Димитровград. Было это 13 января 1918 года, накануне праздника святого Саввы, все еще по старому стилю.

Перед тем как ступить на родную землю, я выложил на придорожный камень все четыре головы. Голова Милойко была в наихудшем состоянии, и я вставил свечу в отверстие, где когда-то был его глаз. Воздел руки к небесам и возблагодарил Господа, что живым вернул меня на Родину, чтобы я мог свидетельствовать о перенесенных страданиях. На этот каменный алтарь я установил и распятие, полученное от отца Иоаникия. Положил и иконку Введения во храм Пресвятой Богородицы, и свой крест, прошедший со мной путь на Голгофу.

Здесь, на заснеженных сербских просторах под властью иноземцев, я прочитал поминальную молитву за всех, кто погиб мученической смертью, не дожидаясь возвращения на родную землю, чьи кости рассеяны по чужим полям или покоятся на дне синего моря. Пока я произносил слова молитвы, мой голос дрожал от слез, струившихся по лицу. Я перечислил имена, которые смог вспомнить, помолился Господу за упокой души Янко, Градимира, Жарко, Илии, Тодора, Михайло, Драгована, Драгомира, Немани, Станка, Обрада, Богосава, Радоицы, Милойко, Глигория. Моя молитва была и о тысячах других, чьей смерти я не видал. И я отправился дальше по многострадальной земле сербской с верой в Бога и с мешком на плечах.

Я, грешный Йован, возвращался из рабства, окутанный плащом Божьего сияния. Меня мучил вопрос, кто встретит меня на пороге родного дома? Живы ли мои родные? Убереглись ли от ножа и от пули? Не поглотил ли огонь отчий дом?

Путь от Димитровграда до города Чачак, еле живой, я осилил за одиннадцать дней. В родных местах меня встретили односельчане, узнавшие меня, несмотря на плачевное мое состояние. Домой я вернулся 24 января 1918 года, через два месяца после того, как покинул Варну. Прежде всего я посетил руины храма Огненной Марии на своем участке земли. Крест и икону поместил на алтарь (маленький, деревянный, я сам его сделал перед уходом на фронт) и прочитал молитву. Произнес слова благодарности Богу за то, что после всех испытаний вновь нахожусь на этом святом месте. Помянул и всех земляков, которым не суждено было вернуться домой.

Оттуда я направился к дому через свой участок, за который неустанно благодарил отца. Горы и долины лежали под снежным покрывалом, эта белизна простиралась вокруг, сколько мог охватить взгляд. Над нашим домом развевалось три черных флага: по отцу Никодие, братьям Теовану и Рисиму. На пороге появилась мать, все еще в трауре, одряхлевшая и поблекшая. Увидев меня, она обняла меня и заплакала. Мы рыдали оба. Потом между нами произошел такой разговор, передам хотя бы то, что осталось в моей памяти:

— Сынок, это ты? Что от тебя осталось?

— Осталась душа, матушка. А все другое неважно.

— Через какие страдания ты прошел, душа моя?

— Душегубы наши своим злодейством и лицо самого Господа бы обезобразили, а не только нас.

- Лишь бы живой остался, чтоб мои глаза на тебя смотрели!
- Многие матери своих сыновей уже никогда не увидят.
- Хвала Господу, что сохранил тебе жизнь, цыпленочек мой.
- Стыдно мне, матушка, что среди тысяч мертвых я в живых остался.
- Не говори так, сынок! Ты не виноват в их смерти.
- Совесть моя, мама, не дает мне покоя.
- Не поддавайся черным мыслям, дитя мое. Мало ты пережил? Бог так хотел, чтобы ты выжил, чтобы не все погибли.
- Но, мама, погибли лучшие сыновья сербского народа, цвет нашей нации.
- И где покоятся наши драговчане?
- Одни умерли, их во рвы побросали, других перебили, кого-то в море утопили, кто от страданий умом тронулся, а некоторые остались в горах заснеженных, те, что со мной возвращались.
- Да будет вовек проклято имя болгарское!
- Не говори так, матушка. Если бы не лучшие из них, не видать тебе сына живым! Эти добрые люди спасли меня.
- Что ты говоришь, сынок? Как могли враги наши тебя спасти?
- Одни мне страшные раны наносили, другие эти раны залечивали. В каждом народе есть добрые и злые люди.
- Как же ты вернулся из окаянной дали, дитя мое?
- На крыльях надежды, с мыслью о Господе нашем, матушка.
- Сколько же ты был в пути, несчастное мое дитя?
- Пока я был в пути, шестьдесят раз сменились день и ночь. От Введения во храм Пресвятой Богородицы до сегодняшнего дня.
- Что же ты ел в дороге?
- Зерна из навоза, корешки растений и то, что добрые люди подавали.
- Хвала Господу, что есть еще добрые люди на свете. А что у тебя в мешке, путник мой многострадальный?
- А ты посмотри, матушка.
- Мать вытащила головы из мешка и говорит:
- Горе мне! Что это такое, сынок?
- Это головы покойных моих товарищей.
- Ты такой слабый, как же ты их смог донести?
- Должен был, мама, это была моя святая обязанность.
- И куда ты теперь с ними, несчастный?
- Отнесу к ним домой, пусть родные хоть головы похоронят.
- А почему одна голова вся обглоданная?
- Обглодали ее волки в горах.
- Что ты говоришь?! Так на вас и волки охотились?!
- Да, матушка. Это голова Милойко Елушича из Граба. А его самого съели, уже мертвого.
- Господи помилуй! А кто остальные трое мучеников?
- Это мои товарищи, мы вместе отправились домой из плена, но все, кроме меня, скончались по дороге.
- Знаешь ли ты, дитяtko, где чья голова? Кому ты их отдашь?
- Знаю. Вот голова Радоицы Клисарича из Губеревцев, эта – Богосава Йовашевича из Марковицы, а третья – Глигория Бежанича из Брезовицы.
- Ох, что ты говоришь! Все такие молодые. Несчастные их матери!

– Есть матери несчастнее, эти хоть головы своих сыновей увидят, а тысячи других – ничего.

Тут подошли мои сестры и младший брат. Было много и слез, и поцелуев. Так я впервые, доктор, встретился с родными после отъезда на фронт летом 1915 года. Наконец, я перекрестился, стал на колени и поцеловал родной порог. Потом вошел в дом, приблизился к иконе святого Иоанна Крестителя, покровителя нашей семьи. И ее поцеловал...

Да, отнес. Сделал это уже на следующий день. Отнес все четыре головы и пережил душераздирающие минуты. Не знаю, где было горше. Всюду раздавались стоны и плач и причитания. Особенно тяжело пришлось в Грабе, когда мать Милойко Елушича, увидав голову своего сына, потеряла сознание.

Думаю, что нет. Я не считаю это своей ошибкой. Я дал возможность несчастным родителям повидать хоть какие-то останки их сыновей. За это они были мне благодарны. Пригласили меня и на захоронение этих голов. Везде я не мог успеть. Побывал в Губеревцах и Марковице, там присутствовал на отпевании. Головы положили в гробы и с ними лучшую одежду покойных юношей.

Таким образом, я, раб Божий, грешник Йован, сделал все, что мог, для своих умерших друзей. Часть моих воспоминаний о том времени осталась под пластом лет. То, что я рассказал вам, – всего лишь сохранившаяся череда мрачных картин прошлого. Надо было бы рассказать обо всем много лет назад, но не было ни сил, ни желания, да и кто бы стал меня слушать? По правде говоря, не было у меня такой потребности говорить, как сейчас с вами, доктор. Вы пробудили во мне желание в конце моего жизненного пути открыть кому-то душу. Меня радует, что в вас я нашел человека, который действительно хочет слушать и записывать мои воспоминания.

В 1918 году, когда я возвратился из плена, мне исполнился 21 год, самое начало жизненного пути. Перед собой я поставил две высокие цели: закончить семинарию и восстановить церковь на Волчьей Поляне. Не жалея сил, я взялся за работу.

Но это уже другая история, новая глава моей жизни, поэтому мы продолжим завтра, мне надо передохнуть, а вам пора вернуться к своим обязанностям.

Что вам сказать? Так себе. Живот раздут. Но, благодаря вашим усилиям, надеюсь прожить еще денек-другой.

* * *

Глубокой осенью 1918 года началось возвращение с войны сербской армии. Великая бойня закончилась, и Сербия начала залечивать страшные раны, нанесенные тремя войнами подряд. Многие навсегда остались на полях войны, разбросанные повсюду на Балканах, так что следа не отыскать. Болезни уносили жизни мирных жителей, тысячи свежих могильных холмиков выросли по всей стране.

Погибли два моих брата и отец. Оставшиеся в живых братья Йоксим и Живадин отделились, обособилась и семья покойного брата Теована. Сестры вышли замуж. Когда делили отцовское наследство, я взял только участок скудной земли на Волчьей Поляне с руинами церкви.

Инвалиды войны, изможденные, искалеченные, заполонили наши края. Власти то ли забыли о них, то ли ничем не могли им помочь. Многие из них были в расцвете лет. Изувеченные, они не могли обрабатывать землю, кормить свои семьи им было нечем; сельский дом без здоровой мужской руки обречен на гибель. Были и безрукие, и безногие, на костылях, слепые и глухие, с лицами, изрытыми шрапнелью и порохом, многие от сильных мучений заболели падучей.

Некоторые из них начали просить милостыню. Опираясь на костыли или сидя, с орденами на груди, герои Куманова, Брегалницы, Цера, Мачков-Камена, Ветерника и Каймак-члана стали никем и ничем, убогие калеки. Во время церковных праздников и на сельских ярмарках протягивали руку за милостыней вчерашние герои, недавно голыми руками хватавшиеся за лезвие сабли. Отдав Родине все, что имели молодость, здоровье, силу и красоту, – они опустились на самое дно нищеты.

Я видел, как Рашко Евтич, кавалер звезды Карагеоргия, опираясь на костыли, безногий, просит перед храмом. В ту руку, что недавно вершила героические дела на поле боя, люди клали милостыню. Я видел Боголюбца Терзича, на чьей груди сияет медаль за отвагу Милоша Обилича, как он, без одной руки, восклицает «подайте, братья» и «спасибо, братья!». Встречались мне и другие храбрые воины, такие как Илия Момчилович, Саво Радулович, Теован Ранич и другие, оказавшиеся в позорном положении, позорном для этой страны, для ее властей, но не для храбрых патриотов.

Доктор, их состояние меня глубоко потрясло, я не мог остаться равнодушным, постарался хоть чем-то им помочь. Я ходил по селам и составлял списки наиболее пострадавших инвалидов войны и военнопленных, возвратившихся из лагерей, которые были неспособны работать и не имели средств к существованию. Это относилось в первую очередь к малоимущим. С этими списками я стучался в разные двери, начиная от муниципальных властей, общинных, уездных, областных, вплоть до Военного министерства. Я разговаривал и с местными состоятельными людьми: банкирами, землевладельцами, хозяевами мельниц, пивных, лесопилок, с торговцами скотом и ракией, владельцами магазинов и трактиров и со многими другими. Повсюду просил за наших несчастных братьев, заслуженных героев. Могу похвастаться, что не остался с пустыми руками, какие-то средства мне удалось собрать. Я разделил их между самыми обездоленными, чтобы они могли купить все необходимое для дома: газ, соль, медный купорос, растительное масло, колесную мазь, бороны и плуги, шины для колесных повозок. А самые бедные покупали муку, семена к посевной и еду для своих семей.

Мой христианский долг призывал меня совершать и другие деяния. Двери моего скромного дома всегда были открыты для искалеченных солдат. Посещали меня и бездомные, и нищие. Если мне нечего было им дать, я старался вернуть в их сердца надежду добрыми словами.

Взялся я и за то, чтобы осуществить две главные цели, о которых я упоминал: восстановление церкви и завершение курса теологии. О первом я оповестил церковные власти, и они мне обещали помощь в границах своих возможностей. Это было весной 1921 года. Я пошел в народ, разговаривал с людьми, собирал пожертвования, как деньгами, так и материалами. Я нашел людей, которые брались за проект возвращения храму первоначального вида. Это были специалисты по церковной архитектуре средних веков, к которой относилась церковь на Волчьей Поляне.

Все приготовления и доставка материалов требовали много времени и много рабочих рук. Работы начались в следующем 1922 году, весной, в день Святых сорока мучеников. Фундамент освятил настоятель монастыря Святой Троицы. Местные мастера согласились работать бесплатно, из любви к Богу и родному краю. Чернорабочими стали крестьяне из ближних сел. Дело шло быстро, и я молился Богу, чтобы так дальше и продолжалось. Камень мы доставляли из ближайшего рудника, каменщики на стройке его обтесывали. Глубокой осенью, в день святого Димитрия, все строительные работы были завершены. Осталось покрыть здание и укрепить на куполе крест, а затем приступить к внутренней отделке, изображению святых ликов (разумеется, не по всем стенам, это потребовало бы слишком больших затрат), а также к работе над иконами и иконостасом. И еще предстояло построить колокольню.

С наступлением морозной и снежной зимы работы пришлось прекратить. Мы продолжили их только следующей весной. Иконописцев я пригласил из семинарии в Призрене, это были молодые трудолюбивые люди. Наконец, в день святой великомученицы Огненной Марии храм был освящен. Я придавал особое значение тому, чтобы торжественный обряд состоялся именно в этот день, 30 июля 1923 года. Его проводил наш владыка лично, а в службе участвовали иеромонахи, монахи и священники. Весь народ нашего края собрался к церкви. Наступил самый счастливый момент моей жизни, когда с колокольни небольшого храма раздался звон колокола, подаренного нашим земляком из Америки Огнем Стоичем. Итак, доктор, великое дело я довел до конца, милостью Господа. Осуществился давний сон из моего детства. Некоторые предметы, необходимые для церкви, я получил в подарок от разных храмов и монастырей. Народ начал приходить в церковь на службу, к причастию, на венчание и крещение. А через пару дней после освящения храма, одной ясной ночью, когда я возвращался из соседнего монастыря, перед церковными дверями меня поджидала лань. Я погладил ее по голове, а она лизнула мне руку. Потом, прихрамывая на заднюю ногу, медленно удалилась в лес. На следующее утро на том же месте я обнаружил свернувшуюся в клубок змею, вечную хранительницу этой святыни. Увидев меня, она подняла голову, покачала ею вправо-влево и исчезла в норе под стеной храма. Я уже говорил вам, что эти два Божьих создания являлись предо мной крайне редко, притом в исключительные моменты; лань всегда ночью, а змея днем. Сейчас это было связано, безусловно, с освящением храма. Насколько я знаю, кроме меня, их никто никогда не видел.

В 1925 году, когда мне исполнилось двадцать восемь лет, я женился на девушке из хорошей, уважаемой семьи Рняковичей из Гучи. Мы во всем ладили, но она заболела и вскоре умерла. Детей у нас не было, и больше я не женился.

Поскольку своих детей я не имел, Бог дал мне возможность заботиться о чужих. Вскоре после смерти моей жены однажды утром перед храмом я увидел грудного ребенка, полугодовалую девочку, завернутую в одеяльце. Находка меня потрясла. Я забрал младенца домой и с помощью соседки стал кормить из бутылочки козьим молоком. Несколько дней мы таким образом поддерживали в ребенке жизнь, а затем я отвез его в детский приют в Белграде. Там я оставил сведения о себе как о человеке, нашедшем подкидыша.

Через двадцать лет, осенью 1947 года, ко мне в церкви подошла молодая красивая девушка. Поцеловала мне руку и спросила:

– Вы ведь отец Йован?

– Да, – отвечаю.

И тут она упала мне на грудь и зарыдала. Я был смущен, я не знал, кто она и откуда и почему так горько плачет. Я спросил ее:

– Скажи мне, кто ты, дочь моя?

Она заплакала еще сильнее, а когда немного успокоилась, сказала:

– Вы мой спаситель. Вы мой отец, другого я не знаю.

Тут мне все стало ясно, я спросил:

– Так ты младенец, которого я когда-то нашел перед входом в церковь?

– Да, – ответила она и вновь зарыдала.

Девушка рассказала мне о себе то небольшое, что знала. Сказала, что ей ничего не известно о родителях. Росла в приюте, а когда ей исполнилось пять лет, ее удочерила бездетная супружеская пара. Они ей дали образование, как раз сейчас она изучает литературу в Белграде. Она привезла мне чудесные подарки и провела со мной весь день. С тех пор эта девушка частенько меня навещала. Со временем она стала преподавателем, вышла замуж и приезжала уже с мужем и детьми. Заботилась обо мне, как о настоящем родном отце. Последний раз посетила меня два года назад, в 1990-м. Теперь она уже пожилая женщина,

пенсионерка с двумя внуками. В приюте ей дали имя Мария, по моей просьбе, поскольку я нашел ее на пороге храма пресвятой Марии Огненной.

Доктор, сейчас я нарушил хронологию событий и дошел до дней сегодняшних. Но мне пришлось так поступить. Потом я вновь вернусь к дням своей молодости и зрелости. Четыре года назад, в 1988-м, со мной произошло нечто неожиданное и волнующее. Ко мне в церковь пришли два человека средних лет, держа под руку старушку, едва передвигавшую ноги.

Была она-кожа да кости. Случилось это за несколько месяцев до того, как я стал монахом.

Я принял ее, как принимал всякого благонамеренного человека, посетившего это святое место. Старушка тут же объяснила, зачем пришла ко мне. Она хотела мне исповедаться. Я попросил сопровождающих подождать снаружи. Стоять она не могла, и я посадил ее у алтаря. Предложил снять платок. Ей могло быть от семидесяти семи до восьмидесяти лет. Я зажег кадило и поднес ей крест для поцелуя. Попросил открыть мне, в чем ее грех. Она смущенно отнекивалась.

– Грешная душа, пред ликом Господа нашего Иисуса Христа поведай мне, в чем твое прегрешение, сказал я ей.

Запинаясь, она начала говорить. Назвала свое имя, которое я обязан хранить в тайне. Рассказала мне, как она, будучи восемнадцатилетней девушкой, вступила в греховную связь с семейным человеком и от него забеременела. Она была из порядочной патриархальной семьи и не посмела никому об этом рассказать, поэтому сбежала из дома и нанялась на работу как можно дальше от родных мест.

Ну, конечно же, доктор. Я сразу же понял, о чем пойдет речь. Но сделал вид, что ничего не подозреваю. Когда пришло время рожать, она ушла от своего хозяина и поселилась у одинокой старушки, которая приняла ее по-матерински и помогла произвести на свет здорового младенца, девочку. У этой женщины она оставалась полгода. А потом поняла, что ребенок будет слишком большим грузом в ее жизни, и решилась на самый страшный шаг, на какой только может решиться мать, – бросить плод утробы своей!

Родом она была из наших мест и знала обо мне и о моей готовности помогать несчастным. Закутала ребенка в одеяло и однажды ночью принесла его сюда и оставила перед храмом. Было это в 1927 году. А шестьдесят лет спустя грешница, гонимая муками совести, в конце своего жизненного пути пришла сюда умолять Господа смириться над ней и принять ее душу.

Выслушав все это перед Христовым распятием, я исполнил свой долг и произнес:

«Благословен Господь наш и ныне и присно и веки веков. Святы Боже, святы крепкий, святы бессмертный, смилуйся над рабой Божьей и прости ей прегрешения ее.

Пресвятая Троица, смилуйся над ней.

Господи, отпусти грехи ее.

Владыка, прости ей беззакония ее.

Прими и исцели немощь души ее, имени Твоего ради.

Смилуйся, Господи».

И так я повторил три раза, от начала и до конца. Женщина трижды поцеловала крест. После того, как облегчила душу, спросила, знаю ли я, что было дальше с ее дочерью. Я ответил, что знаю, что она замужем, имеет свой дом и семью, маленьких внуков. Тогда она спросила, могу ли я помочь ей встретиться с дочкой. На то я ответил, что не могу, пока не получу согласие ее дочери. И старуха ушла, попросив меня оповестить ее о разговоре с дочерью.

Уже на следующий день я рассказал Марии о приезде ее матери и ее просьбе о встрече. Она отказалась сразу же, не хотела даже говорить ни о чем подобном. Я дал ей три дня на размышление, напомнив, что по-человечески и по-христиански ей следует согласиться.

Через три дня она сообщила, что осталась при своем решении. Но я все же убедил ее встретиться с матерью, хотя она призналась, что соглашается только из любви ко мне. Я назначил им встречу.

В оговоренный день те же люди привезли старуху и на руках внесли ее в церковь, ходить она уже не могла, выглядела как живой труп. За ней прибыла Мария, я встретил ее снаружи и предупредил, что прощением она совершит богоугодное дело, которому Господь возрадуется.

Мария вошла, поцеловала мне руку. А затем застыла в недоумении, как будто не знала, что ей делать дальше. Я понял, что под наплывом чувств, она не заметила старуху. Я пришел ей на помощь и дал знак приблизиться к матери. С носилок, на которых лежала, она протягивала к ней иссохшие руки. Мария подошла и протянула ей руку, а та схватила ее, прижала к груди и стала целовать. Обе плакали.

Доктор, в моей жизни было много волнующих моментов, но этот потряс меня до глубины души. Я так сильно переживал, словно и сам стал частью чудесного и трагичного сплетения людских судеб. Старуха дочь свою не выпускала из объятий, и те костлявые руки, которые давно, шестьдесят лет тому назад, совершили страшное преступление, оттолкнув свое дитя, сейчас судорожно, покаянно стискивали и молили этого ребенка, ныне женщину зрелых лет.

Конечно, эти двое должны были оставаться снаружи, кто бы они ни были (позже я узнал, что это были ее сыновья), в церкви они были лишними.

Я приблизился, разъединил женщин, взял в руки крест и икону Пресвятой Богородицы и произнес:

– Грешница, в этом доме Господнем скажи дочери своей то, что должна ей сказать. Слова твои услышат Святые отцы и ангелы Господни.

Женщина попыталась встать, но не смогла и, сидя на носилках, сказала:

– Дочь моя, в этом святом месте, пред ликом Господа, перед крестом и алтарем, молю тебя, прости за все, в чем как мать я виновата пред тобой, за то, что оставила тебя, когда ты во мне больше всего нуждалась. Молю тебя, облегчи страшный груз на душе моей, который давит на нее всю мою жизнь. Прошу, прости меня, чтобы Господь смог принять мою душу грешную. Если не простишь, не будет конца моим земным мучениям. Мария, вся дрожа, выслушала эти слова и застыла на миг. Наконец, протянула руку матери и сказала:

– Прощаю тебе все, и пусть Бог тебя простит и на том, и на этом свете.

Произнесла это дрожащим голосом, рукой вытирая слезы. И вновь обеих захлестнула лавина чувств. Вновь они сплелись в крепких объятиях. Теперь женщины уже не плакали, а рыдали. Страсти, так долго сдерживаемые, хлынули наружу. Темные и светлые чувства перемешались в них. Ненависть отступала перед силой божественной любви. Быть может, я ошибаюсь, и это была не любовь, а горечь, годами копившаяся на дне их души, которая сейчас всколыхнулась и выплыла на поверхность из мрачных глубин грешного, смертного человеческого существа.

С кадилом и крестом в руках я благословил готовность Марии простить свою мать и сказал тогда:

– Господи, Иисусе Христе, Ты правишь нами, Спаситель наш, Ты один имеешь власть прощать грехи наши как добрый Бог, любящий людей... Богородице Дево, мы взываем к Богу, который от Тебя воплотился. Умоляем его спасти наши души. Господи, помилуй нас.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу

Аминь!

Затем я обратился к женщинам:

– Господь милостив, и милости его нет конца. Слыша слова прощения, и он возрадуется. А вы с сегодняшнего дня, восстановив давно разрушенные мосты человеколюбия

между вами, вступаете в новую жизнь, земную или небесную. Ступайте, как подобает матери и ее дитяти. И пусть вас на этом пути сопровождает счастье и милость Божья. Сегодня под сводами этого святого дома вы совершили великое деяние, любезное и людям и Всевышнему. Не позволяйте вновь омрачить ваши отношения теням ненависти и злобы.

На это они обе перекрестились и поцеловали крест. Мария вновь поцеловала руку матери, а та ее в щеку. Затем старшая принялась расспрашивать Марию о ее жизни, где она живет, с кем, чем занимается. Мария отвечала более спокойно, чем раньше. И в конце старуха попросила дочь присутствовать на ее похоронах, которых осталось недолго ждать. Та, хоть и с тяжелым сердцем, обещала.

Перед уходом старуха обратилась ко мне с такими словами:

– Отец, остаюсь вечная ваша должница. Вы дважды сделали доброе дело для меня: сначала, много лет назад, вы спасли мое дитя, а сейчас, добротой души своей, вы сделали так, чтобы мое некогда покинутое дитя уже в зрелом возрасте вернулось в мои объятия и простило то зло, которое я, ее грешная мать, ей причинила. Пусть благословит вас Господь, отец.

Я же отвечал:

– Жена раскаявшаяся! Все, что я совершил и сейчас и ранее, есть воля Господа. Моя совесть и вера в Бога требовали поступить именно так, как я поступал и поступаю. И сейчас душа моя радуется вашему примирению.

Выйдя из церкви, старая женщина совершила еще один богоугодный поступок: познакомилась с сыновьями своих с их сестрой единокровной. Это был волнующий момент, ранее ни они о ней ничего не знали, ни она о них. Поприветствовали друг друга, хоть и довольно сдержанно, особенно братья.

Перед уходом старуха обратилась ко мне с еще одной просьбой:

– Отец, есть у меня еще одно желание, прошу вас исполнить его для меня.

– Сделаю все, что в моих скромных силах, – отвечаю.

– Прошу вас, на моих похоронах вместе с нашим приходским священником отслужите по мне панихиду.

Просьба меня удивила, но я ответил:

– Силы мои на исходе, но если доживу, приеду.

Прощаясь, сыновья обещали позвать меня, когда придет час. Не прошло и двух дней, как они связались со мной, сообщили о смерти матери и пригласили на похороны. Выходит, покойница сразу после покаяния предала свою душу Господу. Я сдержал слово. Местный священник с радостью согласился совершить обряд вместе со мной. Перед всеми собравшимися Мария, облаченная в траурное одеяние, еще раз выразила дочернюю любовь к женщине, которую до того не хотела даже повидать. Она долго рыдала на смертном одре матери, упав на ее гроб. Глядя на это, я вновь возрадовался, что помог восстановить утраченную связь между такими близкими людьми, как мать и дочь.

Не знаю. Это непросто объяснить, доктор. Быть может, дело в том, что долгий период жизни, до шестидесяти лет, Мария прожила, не зная ничего о тех, кто зачал ее и родил. Неожиданно та страшная пустота в душе заполнилась, и Господь одарил ее чувством, доселе ей неведомым: любовью к родителям.

Видимо, по-другому она и не могла вести себя в эти минуты. Опять повторяю, что это выше моего разумения. Во время отпевания я с удивлением и радостью наблюдал за Марией, которую захватили столь сильные чувства. Еще недавно она гнушалась даже мысли о том, чтобы встретиться с женщиной, отказавшейся от нее вскоре после рождения, а сейчас она выказывала чувства, которые не всякая дочь испытывает к матери, она чуть не бросилась за ней в могилу. Я видел в ней нечто библейски возвышенное и человечески трагичное. Что я могу сказать, все это и есть составляющие нашей земной жизни.

Вам пора идти? Хорошо. На сегодня и так было достаточно. Увидимся утром при осмотре, доктор. И не забудьте то новое лекарство, которое вы мне обещали.

* * *

Доктор, вчера я вам сказал, что путешествие в день сегодняшний мне понадобилось, чтобы объяснить суть событий, тесно связанных между собой. Ну а сейчас я могу вернуться к периоду между двумя кровавыми бойнями и к началу Второй мировой войны.

Три года подряд оказались судьбоносными в моей жизни. В 1923 году я восстановил церковь, в 1924 году закончил семинарию, а в 1925 – женился. Каждое из этих событий имело далеко идущие последствия в моем будущем.

А сейчас хочу вспомнить трагический момент в истории сербского народа – убийство короля Александра Карагеоргиевича, предвестившее новый водоворот кровавых событий. Я не мог не пойти на похороны. В тот октябрьский день 1934 года в Опленаци⁷ собралась вся скорбящая Сербия. Здесь, в сердце Шумадии, сербское сердце кровоточило. Подле королевского одра, в трауре, в окружении троих малолетних детей, сломленная болью, стояла королева Мария. Пение церковного хора и звон церковных колоколов разносились с исторического холма, сливаясь в стон раненой души и плач осиротевшего народа.

Уже через несколько лет мрачные предвидения начали претворяться в жизнь. Весной 1941 года вихрь мировой войны захватил и нас. Новый костер разгорался со всей мощью. Разобщенный сербский народ, раздираемый противоречиями, не мог сопротивляться внешнему более сильному врагу.

Я должен сказать вам несколько слов о еще одной попытке вашего покорного слуги помочь обездоленному. Речь идет о девочке, которая осталась одна после убийства ее семьи в 1942 году. Немцы ввалились в ее дом из-за доноса, что в нем скрываются партизаны. Были уничтожены все, кроме пятилетней девочки, спрятанной в подвале. Я помог своей бездетной племяннице, дочери моей сестры Евдокии, удочерить ребенка. Так маленькая Елена нашла второй родной дом и новых родителей. Сейчас ей уже за пятьдесят, у нее своя семья, уже пошли внуки. Все прошедшие годы она оставалась мне преданной и благодарной. Два дня назад приходила сюда навестить меня.

Пришла пора, доктор, поговорить о времени, когда кровавые следы глубоко отпечатались в земле драгачевской и в душах ее жителей. Было это в разгар войны, в августе 1943 года, когда на мирных и трудящихся людей, привязанных к земле и верующих в Бога, обрушилась напасть, доселе невиданная. Болгарская карательная экспедиция сжигала все на своем пути, убивала всякого, от младенца в люльке до немощного старика, одной ногой стоящего в могиле. Это была месть за своих солдат, погибших от руки четника Милутина Янковича.

Меня закружило в вихре страданий народных. Как служителю Господа место мое было среди мучеников. Все началось за несколько дней до Преображения Господнего. В те дни уходящего лета Драгачево превратилось в новую Вандею. Я был свидетелем чудовищных злодеяний, страшные картины и сейчас, пятьдесят лет спустя, стоят у меня перед глазами. Уши мои слышат плач, глаза мои видят пламя, пожирающее наши поля и дома.

Вера требовала от меня не сидеть сложа руки, наблюдая, что творят с народом. С крестом в руках я пробирался от села к селу, от дома к дому. Я шел через горы и долины, через ручьи и реки, предупреждая людей об опасности. Небосклон Драгачева был обведен огненной чертой.

⁷ Опленаци – место захоронения членов династии Карагеоргиевичей.

Я, грешный раб Божий Йован, пребывал там, где языки пламени глотали то, что создавали многие поколения десятилетиями и столетиями, там, где лилась кровь невинных, где поджигатели превращали в пепел церкви, иконы, кресты, алтари, потиры и богослужебные книги. И все это творили сторонники нашей православной веры. Я боялся, что придет черед и маленькой церкви на Волчьей Поляне, которую не так давно тяжким трудом, с помощью верующих, мне удалось восстановить из руин.

В те дни Драгачево оказалось в кольце ужаса. Подступы к нему охраняли кровожадные звери в людском обличье. И были они вооружены огнестрельным оружием и ненавистью ко всему человеческому. Все ворота к нашему спасению были заперты на семь висячих замков. Они рычали и завывали, точно те волки, что в их родных горах в 1918-м растерзали нашего друга Милойко Елушича, возвращавшегося с места пыток из Варны.

Стреляли, а мишенью их были дымовые трубы, старые амбары, груши и яблони, порослые свиноматки, стельные коровы, иконы семейных святых, петухи, будившие крестьян на рассвете, сказочные змеи-хранительницы наших домов, воздух, который мы вдыхаем, лепешки и рождественский пирог на противне. Бесчестили наших жен, сестер и матерей, еще не рожденных детей в материнских утробах.

Я предстал перед ними с крестом в руке и иконой Богородицы, взывая к их разуму, требуя остановить страшные дела и вернуться к святому Евангелию. Но они не слушали меня, избili прикладами и приставили нож к горлу. Вдруг я оказался перед домом Стояна Ранджича из Зеоке, семье которого, видимо, удалось бежать. Горел их просторный каменный дом, хлев, сарай с прошлогодней кукурузой, амбар с зерном, сарайчик с бочками, свинарник, загон для овец, клеть, сыроварня. Я стоял среди бушующего пламени, рискуя погибнуть. Огонь заглатывал все, что поколения создавали и передавали следующим поколениям. С треском обвалилась высокая крыша, постреливали в пламени дубовые бревна построек, бревна, тверже стали, простоявшие более двухсот лет, над которыми время было не властно, исчезали в огненной стихии. Сгорала память о многих Ранджичах, этих работающих людях, о череде их рождений и смертей.

Я, с крестом в руке, стоял в центре двора, посреди кошмара, в сердце ужаса. Я наблюдал конец человека в человеке, срывающегося в пропасть немыслимую. Я слышал мычание коров, блеянье овец, хрюканье свиней. Слышал, но нигде не видел. Неужели животные живыми горят в огне? Облака черного дыма поднимались к небесам, и я задыхался в этом дыму. Когда больше не смогу терпеть, воспользуюсь единственным выходом из огненного кольца, который еще остался, – проходом между сараем и амбаром.

Вокруг витал страшный запах паленого, запах сгоревшей жизни, молодости, цветшей здесь когда-то.

Вместе с треском горящих балок слышались и песни свадебных сватов, и залпы прангии⁸, и тут же плач по покойнику. Я хорошо знал и этот дом, и всех его домочадцев. Двери его всегда были открыты для странников и случайных гостей. Часто переступал я порог этого дома и всегда по-братски был принят, хоть днем, хоть ночью.

Но сейчас я стоял бессильный, не мог ничем помочь. Лицо мое почернело от копоти. Я молился о спасении семьи Стояна, если им удалось бежать, или о спасении их душ, если они погибли в огне или от ножа. Огненное кольцо сужалось вокруг меня, пора было уходить. Откуда-то передо мной возник пес, большая лохматая дворняга. В собачьих глазах читались боль и страх. Этот умный зверь, верный сторож дома, глубоко страдал. Страдал и я. И стыдно мне стало перед собакой, что я принадлежу к роду человеческому, который творит подобное. Как мне объяснить ему весь этот ужас, если у меня самого не было ответов на вопросы?

⁸ Прангия – мортира для стрельбы холостыми зарядами во время праздника.

Откуда-то слышалось кукареканье петуха, где-то за пределами огненного круга. Может, он оповещает народ об этом разорении? Зовёт на помощь? Его кукареканье сквозь гул пламени прозвучало как зов ангела, взывавшего к рассудку людей. Всю свою жизнь этот певец зари провозглашал наступление нового дня, а сейчас – конец света и угасание разума.

Вдруг передо мной появился Стоян! С лицом черным, как земля.

– Отец, видит ли это Бог? – спросил он меня.

– Видит, Стоян, – ответил я ему.

– Тогда чего он ждет? Почему не остановит злодеев? Почему не отсохнут у них руки?

– Бог, Стоян, зло не творит, страдания он допускает в наказание.

– За что же нас наказывать? В чем наш грех? Мы набожные люди, в церковь ходим постоянно, пожертвования даем.

– Этого недостаточно, чтобы смыть грехи. Народом овладела ненависть, злоба и зависть. Ты видишь, как во время этой войны брат пошел на брата, отец на сына, кум на кума.

– Так, отец, плохие времена настали.

– Одни уходят в партизаны, другие в четники, третьи в летичевцы⁹. Многие повернулись спиной к Господу. Коммунисты наши храмы начали сносить. Неверующий не может осознать смысла страданий.

– Но я – верующий, а все равно не понимаю.

– Господь наш, Иисус Христос, ради спасения нашего переживал несправедливость и страдания, чтобы воскресением своим дать смысл бессмысленности существования. Он – прибежище наше, сила, защита и твердыня.

– Я в отчаянии, отец Йован.

– Утешение, Стоян, ищи в спасении своей семьи. Главное, чтобы они остались живы, а добро еще наживете.

– Что можно сделать на этом пепелище? Все наше добро сгорело.

– Когда пройдет это бедствие, соберетесь все вместе на пепелище, слава Богу, много вас, полный дом. Есть у тебя и земля, и рабочая сила. Засучите рукава, начнете все сначала, Господь вам поможет за вашу преданность.

– Да может, отец, это конец света?

– Нет, друг мой. Этот народ и большее зло переживал, привык к страданиям. Посмотри только на кости наших предков в пещерах на Кабларе, участников двух сербских восстаний. Тогда, после всеобщей резни, жизнь из крови и пепла заново начиналась.

– Знаю, отец, я бывал там.

– Будь благодарен Господу, если сохранит твоих родных. Наше единственное спасенье в надежде.

Я пытался утешить человека, у которого все, что он имел, превратилось в пепел. У которого огонь поглощал все, что досталось ему от дедов и прадедов, то, что он должен был передать сыновьям и внукам. Своим словам утешения я верил, но верил ли он – не знаю. Он плакал, как малое дитя. Плакал и я вместе с ним. Из дома уже ничего нельзя было спасти, но из хлева мы успели вывести коров и телят, из сарайчика выкатили бочки с вином и ракией.

– Стоян, а где твоя семья? – спросил я.

– Я велел им бежать, спасти свою жизнь, а сам спрятался и наблюдал за домом.

Оставив его в тоске и отчаянии, я пошел дальше. Мне больше нечего было ему сказать, я истратил все слова утешения. Позднее я услышал, что его нашли мертвым в сливовом саду. Не знаю, умер ли он сам от горя или нелюди его убили.

⁹ *Димитрие Лётич* – возглавлял профашистскую православную партию.

Я вошел во двор Влайка Милоевича и застал его перед домом. Он был напуган. Многие дома пылали в селе, был только вопрос времени, когда придет его черед. Он сказал, что семья его бежала, а он остался стеречь дом.

– От кого ты стережешь его, Влайко? – спросил я.

– От этих палачей, отец Йован, – ответил он мне.

– И как ты справишься с разъяренными убийцами и поджигателями?

– Поговорю с ними по-людски. Должна же была в них остаться хоть крупинка человечности.

– Если бы было так, они бы не творили то, что творят. Деяния их лежат вне понимания людского разума.

– И что же мне делать? Что ты предлагаешь, отец Йован? Укажи мне, что делать.

– Мудр лишь Тот, что смотрит на нас с небес. Могу тебе сказать только, что живой человек может все преодолеть, а мертвый – ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.